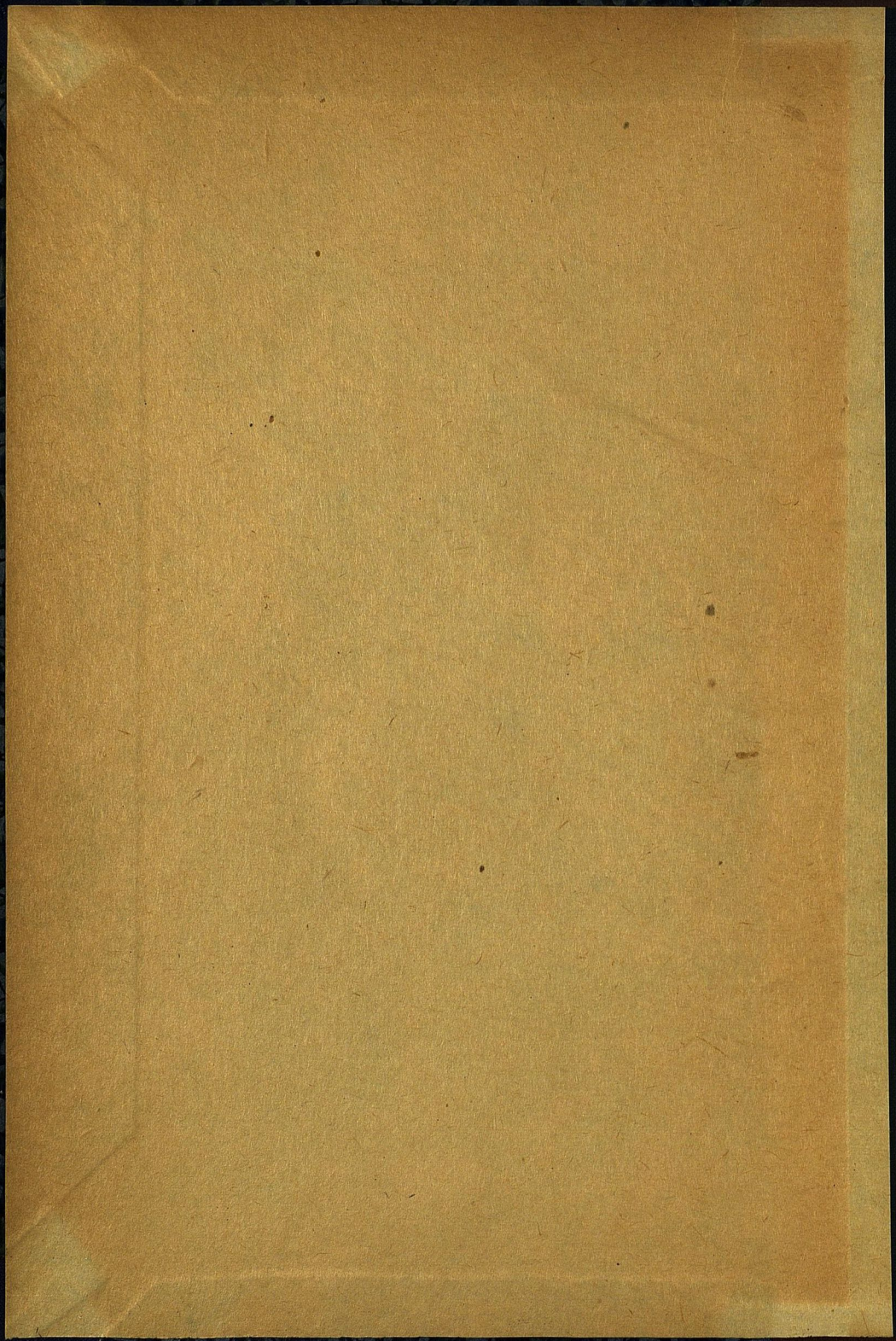
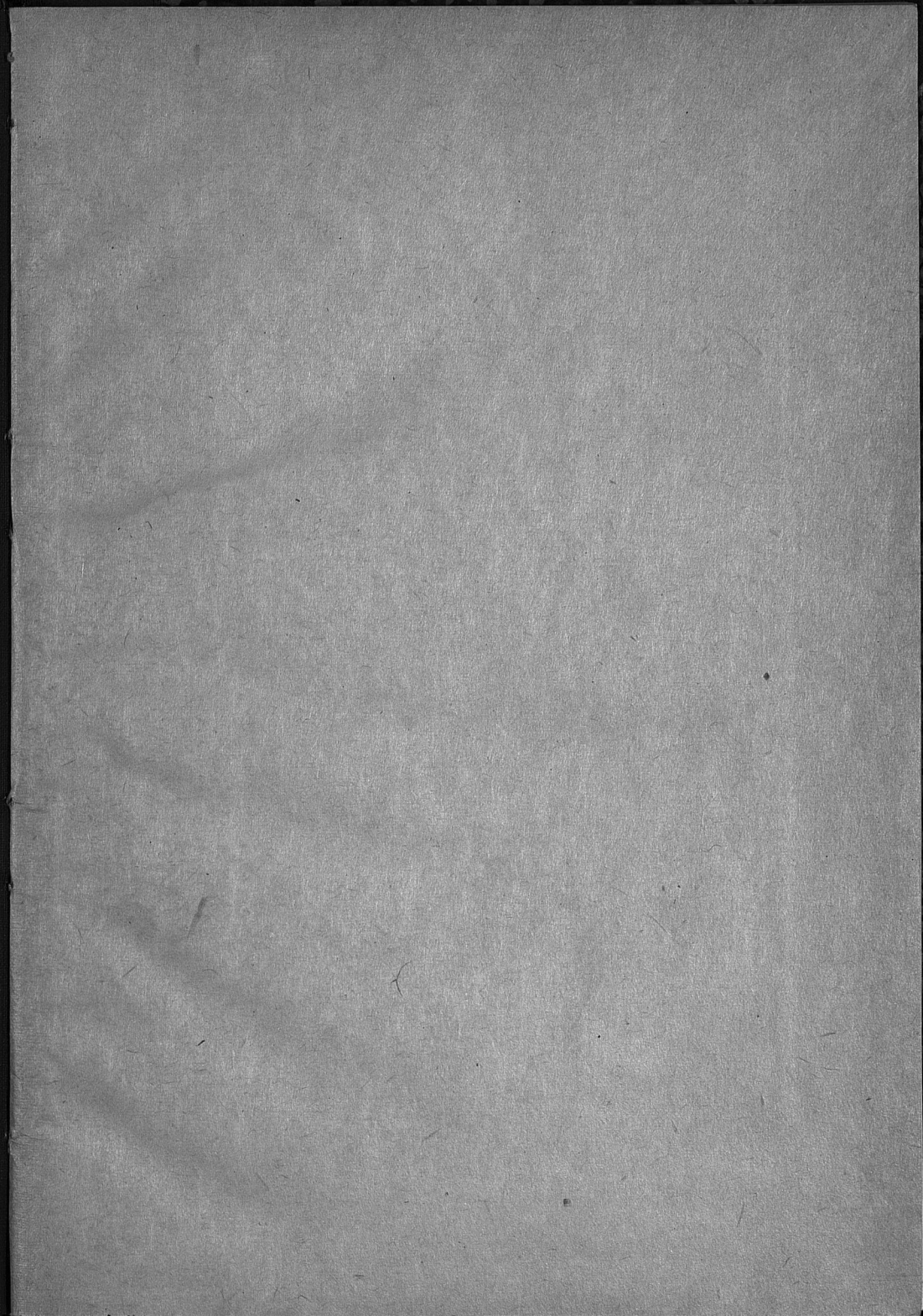
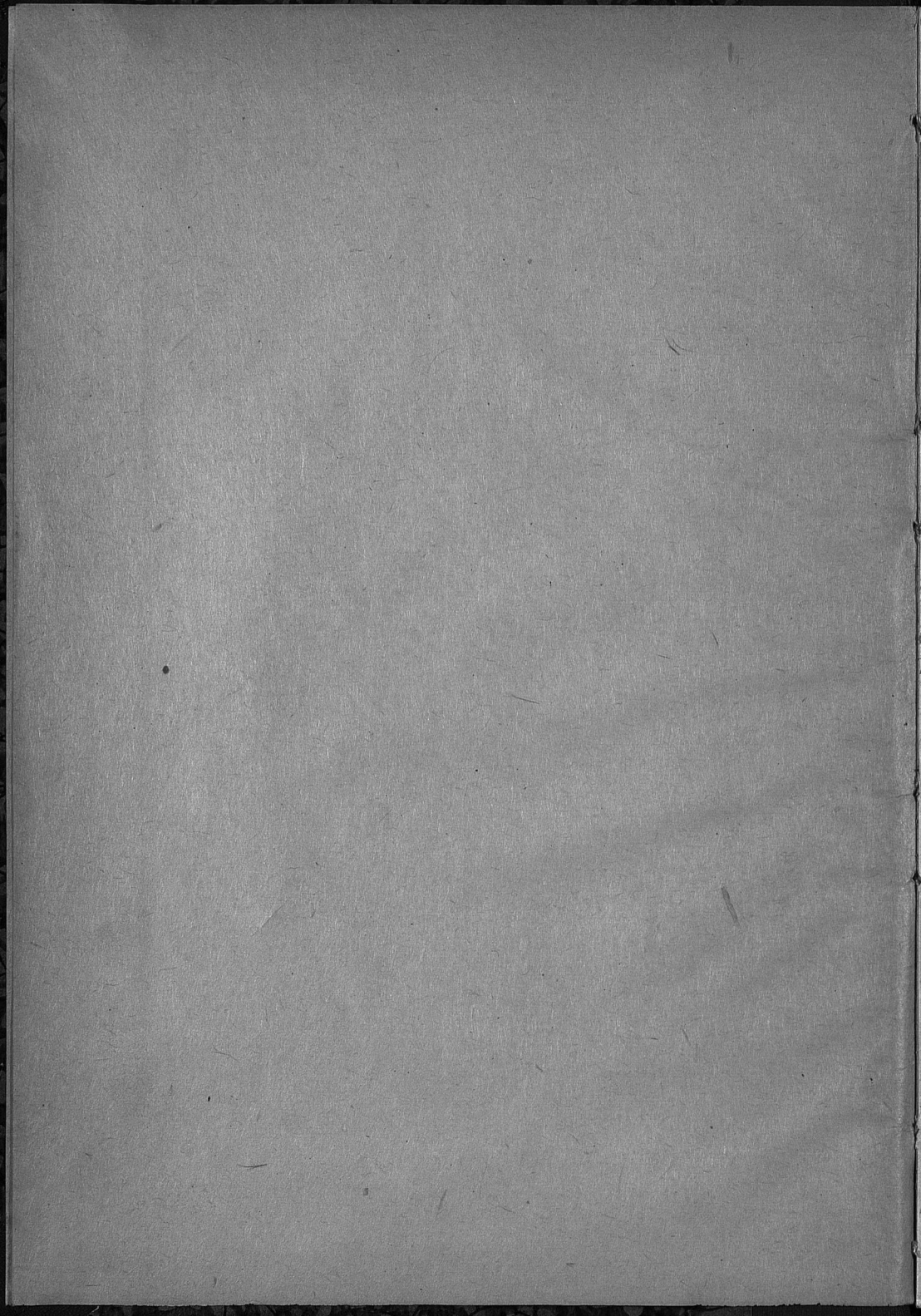

Pr 155
432

11-12

В155 432

Г. Кострома == == въ исторіи.

СБОРНИКЪ
РЕФЕРАТОВЪ, ПРОЧИТАННЫХЪ
ВЪ КОСТРОМСКОЙ ОБЩЕСТВЕН-
НОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ
ВЪ 1913 ГОДУ.

КОСТРОМА.
Тивографія М. Ф. Риттеръ.
1913.

4

B155 432

Г. Кострома —
— въ исторіи.

СБОРНИКЪ
РЕФЕРАТОВЪ, ПРОЧИТАННЫХЪ
ВЪ КОСТРОМСКОЙ ОБЩЕСТВЕН-
НОЙ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ
ВЪ 1913 ГОДУ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

666946 VV

Въ предлагаемомъ изданіи помѣщены пять ученическихъ рефератовъ и рефератъ преподавателя исторіи. Всѣ они были прочитаны на собраніяхъ учащихся и учащихъ 21 февраля и 14 марта. Во всѣхъ рѣчь идетъ о событіяхъ „Смутнаго времени“ и о той роли, которая выпала въ это время на долю Костромы и Костромскаго края. Первая статья „Кострома и ея памятники“ представляетъ рефератъ, прочитанный мною въ мѣстной экскурсіонной комиссіи; въ немъ содержатся краткія свѣдѣнія изъ исторіи Костромы и объ историческихъ памятникахъ и нѣкоторыхъ современныхъ культурныхъ учрежденіяхъ. Названная статья пополняетъ своимъ содержаніемъ рефераты, пополняетъ описаніе Костромы въ ея прошедшемъ и настоящемъ и такимъ образомъ составляетъ полезное дополненіе къ рефератамъ. Нижеподписавшійся полагаетъ, что настоящее изданіе можетъ быть полезно учащимся средней и низшей школы и тѣмъ лицамъ, которыя пожелали бы познакомиться съ Костромой и Костромскимъ краемъ, не имѣя возможности и времени обращаться къ первоисточникамъ и солиднымъ изданіямъ по исторіи Костромы. Ученикамъ же гимназіи, какъ составившимъ рефераты, такъ и прослушавшимъ ихъ на собраніяхъ 21 февраля и 14 марта, изданіе доставитъ несомнѣнное нравственное удовлетвореніе.

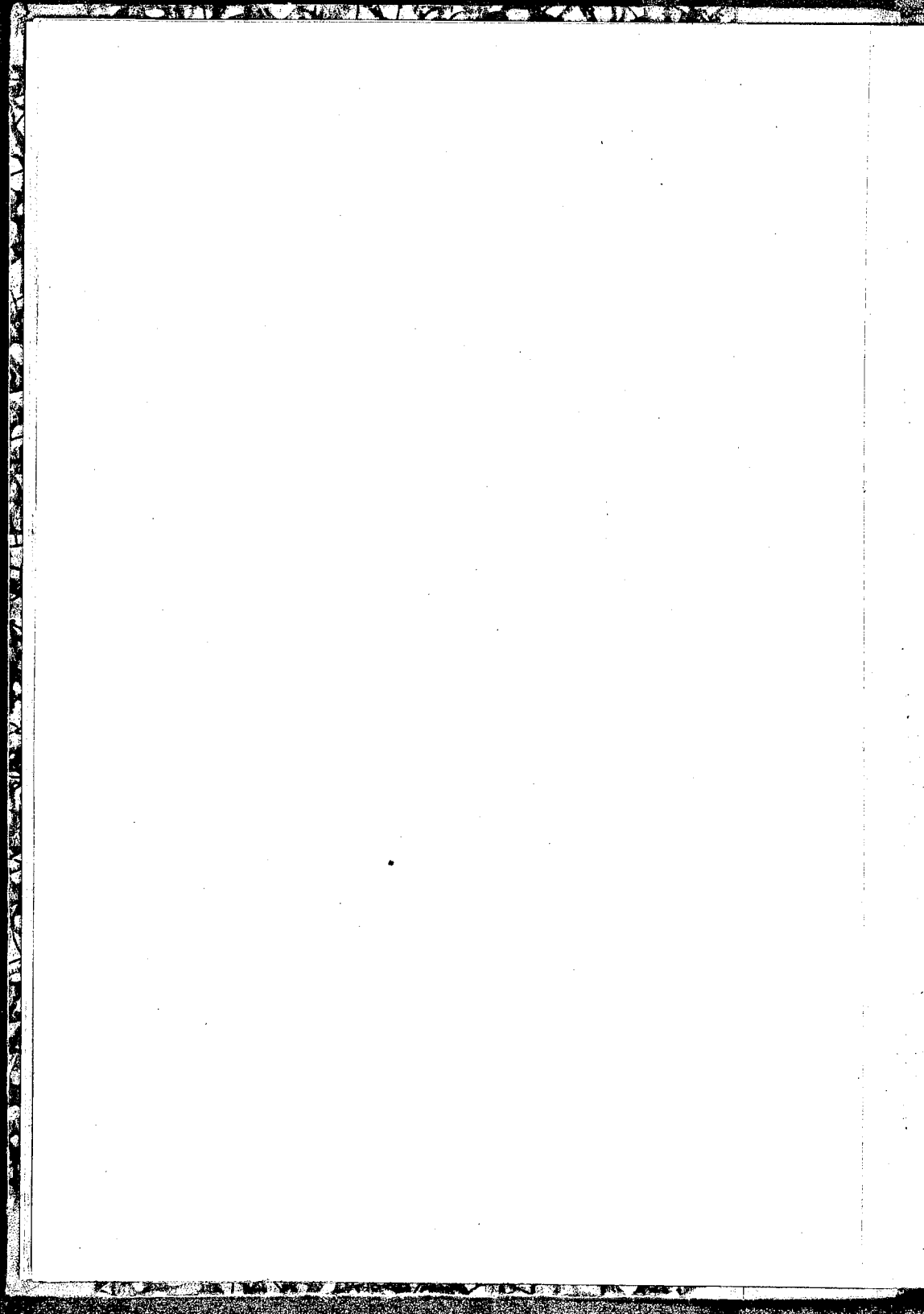
Директоръ *А. л. Рождественскій.*

О г л а в л е н і е.

	Стран.
I. Кострома и ея памятники	9
II. Костромской Ипатьевскій монастырь, его историческое значеніе и сокровища монастырской ризницы	35
III. Предки Михаила Θεодоровича Романова	45
IV. Какъ отразилось „Смутное время“ въ Костромской губерніи	57
V. Подвигъ Ивана Сусанина	71
VI. Подвигъ Ивана Сусанина	85
VII. Призваніе на царство Михаила Θεодоровича Романова (историческій день въ гор. Костромѣ 14 марта 1613 года)	93

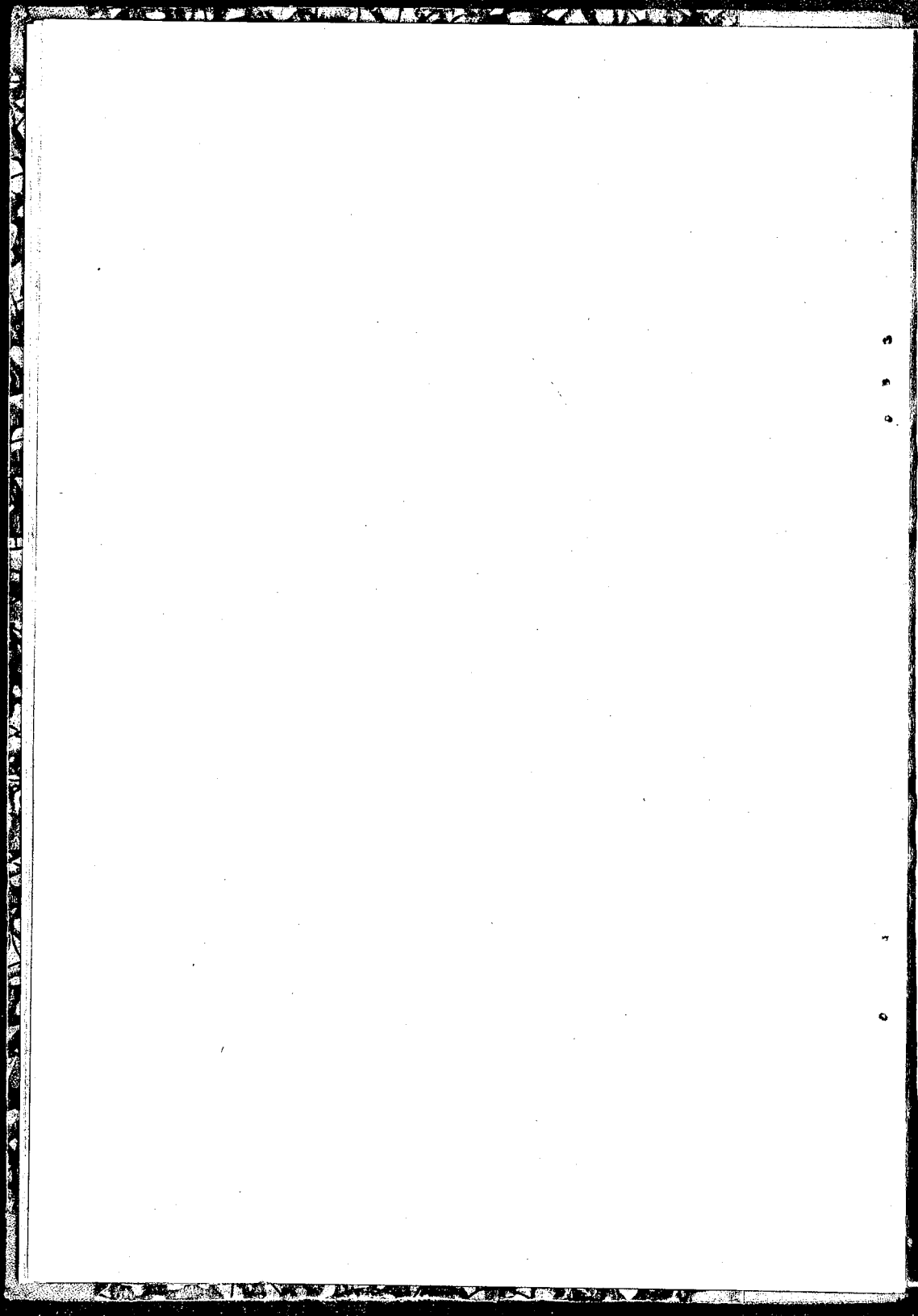

Его Императорское Величество Государь Императоръ
Николай Александровичъ.

Родоначальникъ Августѣйшаго Дома Романовыхъ благосвѣрный великій
Государь
Михаиль Феодоровичъ.

Кострома и ея памятники.

Историческія свѣдѣнія о Костромѣ. Кострома расположена на лѣвомъ берегу Волги при впаденіи въ нее р. Костромы. Городъ занимаетъ пространство по берегу Волги приблизительно на четыре версты, а отъ Волги на сѣверо-востокъ версты на двѣ въ наиболѣе широкой части.

Время основанія Костромы точно неизвѣстно. О ней въ первый разъ упоминается подъ 1213 годомъ; вѣроятно, она была основана въ концѣ 12 вѣка. Полагаютъ, что первоначально Кострома была построена на правомъ берегу Волги на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь с. Городище. Церковь Городища и сосѣдніе съ ней нѣсколько домовъ занимаютъ наиболѣе высокое мѣсто на старомъ крутомъ берегу Волги. Первоначальные насельники края меряне, народъ финскаго племени, и славяне для устройства укрѣпленнаго пункта могли выбрать только высокое, открытое, мало доступное съ Волги мѣсто, каково Городище. Послѣ нашествія Батя на Суздальскую землю (1236—1238 г.) Кострома была перенесена на лѣвый берегъ, на настоящее мѣсто, какъ болѣе безопасное отъ нападеній татаръ. Можно думать, что перенесеніе Костромы на лѣвый берегъ произошло при Владимирскомъ князѣ Ярославѣ Всеволодовичѣ, который послѣ удаленія Батыевыхъ полчищъ принялся за устроеніе области и возобновленіе разрушенныхъ городовъ. Перенесеніе Костромы на настоящее мѣсто представляло жителямъ больше удобствъ скрыться въ сосѣднихъ лѣсахъ при нападеніи врага, чѣмъ на старомъ мѣстѣ.

Князю Ярославу Всеволодовичу, котораго христіанское имя было Теодоръ, приписываютъ построение первой соборной церкви во вновь устроенной Костромѣ въ честь Теодора Стратилата. Храмъ былъ деревянный. Мѣсто его устройства съ точностью неизвѣстно. Указываютъ, что онъ стоялъ тамъ гдѣ теперь церковь Богоотцевъ на углу Мшанской (Московской) улицы и Пятницкаго переулка, или близъ этого мѣста, гдѣ прежде протекала рѣчка Сула, теперь засыпанная. Есть впрочемъ другое мнѣніе, что храмъ Теодора Стратилата помѣщался въ кремлѣ. Въ названный храмъ была поставлена княземъ Василиемъ Ярославичемъ (по прозванію Квашней) икона Богоматери, названной Теодоровской и обрѣтенной въ лѣсу на рѣчкѣ Запруднѣ на сѣверѣ отъ храма.

Кремль. Костромской кремль существовалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь соборы Успенскій и Богоявленскій. При Московскомъ князѣ Василии Димитріевичѣ въ 1416 году кремль былъ обнесенъ деревянной стѣной. Кремль занималъ довольно значительную площадь. Еще въ 17 в. онъ занималъ площадь въ 12 десятинъ 86 кв. сажень и былъ окруженъ валами и глубокими рвами. На насыпи кремля было построено впоследствии 14 башенъ, между коими шель тынъ изъ березовыхъ бревенъ въ $2\frac{1}{2}$ сажени высотой. Длина стѣны была $511\frac{1}{4}$ сажень. Изъ кремля шель къ Волгѣ подземный ходъ. Нынѣшняя площадь, занятая соборами и соборными домами, составляетъ только часть бывшаго кремля. Современная ограда съ желѣзными рѣшетками и контрфорсами со стороны Волги была устроена въ 1799 году.

Вѣроятно, Костромской кремль съ раннихъ поръ былъ хорошо укрѣпленъ и представлялъ безопасное убѣжище. Здѣсь скрывался Димитрій Донской во время нашествія

Тохтамыша на Москву въ 1382 г., затѣмъ великій князь Василій Димитріевичъ съ семьей во время нашествія Эдигея; здѣсь же укрывался великій князь Василій Васильевичъ во время междоусобія съ Галичскимъ княземъ Юріемъ Димитріевичемъ. Лисовскій, пришедшій на помощь полякамъ и русскимъ измѣнникамъ, осажденнымъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ, потерпѣлъ пораженіе отъ стрѣльбы съ Костромскаго кремля. Въ кремлевской стѣнѣ было двое воротъ: Спасскія ворота съ сѣверо-западной стороны и Водяныя къ р. Волгѣ.

Въ кремль былъ построенъ каменный Успенскій соборъ. Полагаютъ, что онъ былъ построенъ при князѣ Василіи Ярославичѣ, который перенесъ въ него изъ деревяннаго храма Θεодора Стратилата Θεодоровскую икону Богоматери. Въ 17 вѣкѣ кромѣ Успенскаго храма въ кремль находился каменный Троицкій соборъ, Крестовоздвиженскій мужской монастырь съ двумя деревянными церквями, обращенный въ 1681 году въ женскій. Послѣ пожара въ кремль монастырь этотъ не возобновлялся, а монахини были переведены въ Анастасіинъ монастырь. На мѣстѣ упраздненнаго монастыря въ 1791 году былъ построенъ Богоявленскій соборъ.

Кромѣ храмовъ и монастыря въ кремль въ 17 вѣкѣ находились осадный дворъ инокини Марѣы Ивановны, осадные дворы Ипатьевского и другихъ монастырей, дворъ стольника Алексѣя Годунова, воеводскій дворъ и нѣкоторыя другія казенныя зданія; было много и обывательскихъ домовъ. Всѣхъ домовъ было 191; всѣ были расположены на трехъ улицахъ. Самая большая шла къ Волжскимъ воротамъ и заключала въ себѣ 107 дворовъ. Въ воеводскомъ дворѣ останавливалась Екатерина II-я при своемъ посѣщеніи Костромы въ 1767 году. Послѣ нѣсколькихъ пожаровъ,

особенно большого пожара 18 мая 1773 года, въ кремль остался только Успенскій храмъ, а другія постройки не возобновлялись за неимѣніемъ въ нихъ надобности. По плану 1781 года въ кремль не положено никакихъ частныхъ зданій. Въ 1814 г. съ валовъ были сняты пушки, подаренныя городу царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ 1817 и 1818 годахъ были срыты крѣпостные валы, и на ихъ мѣстахъ въ 1819 и 1820 годахъ были разведены городскіе бульвары. Съ юго-восточной стороны къ Н. Дебрѣ до сихъ поръ сохранился валь, хотя и въ уменьшенныхъ размѣрахъ (малый бульварь).

Около стараго кремля въ 1619 году былъ выстроенъ жителями новый городъ на случай осаднаго положенія. Новый городъ примыкалъ съ трехъ сторонъ къ старому или кремлю. По Волгѣ онъ простирался до Крестовоздвиженскаго монастыря и Сульскаго протока; отсюда граница шла до церкви Благовѣщенской и Воскресенской на площадкѣ. Новый городъ былъ окруженъ ровомъ и деревянной стѣной съ 23 башнями; въ него вели шесть воротъ. Отъ этого рва никакихъ слѣдовъ не осталось. Нынѣшнее зданіе присутственныхъ мѣстъ, построенное въ 1807 году, стоитъ на части этого вала, который пришлось засыпать для постройки этого дома.

Успенскій соборъ. Каѳедральный Успенскій соборъ неоднократно подвергался пожарамъ, особенно сильно 18 мая 1773 года. Въ настоящее время онъ представляетъ изъ себя совокупность построекъ разныхъ временъ, преимущественно 17 вѣка. Древняя конструкція его лучше всего видна въ подвалахъ. Въ 1661 году была пристроена особая во имя Θεодора Стратилата каменная церковь, примкнутая къ собору съ лѣвой стороны. Алтари собора обращены не на востокъ, какъ обыкновенно, а на сѣверъ по направленію

мѣста явленія иконы Θεодоровской Богоматери князю Василію Ярославичу. Вышина собора 17 сажень 2 аршина. На немъ пять главъ, шестая на храмѣ Θεодора Стратилата. Съ восточной и южной сторонъ находятся крытыя галлерей.

Своды храма покоятся на четырехъ столбахъ. У передней стѣны праваго столба устроено святительское мѣсто. Во всю южную сторону храма устроены хоры на семиаршинной высотѣ. Стѣны, своды и паперть храма расписаны живописью. Она была сдѣлана на средства, пожертвованныя Екатериной II-й, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по старымъ контурамъ, сдѣланнымъ рѣзцомъ. Въ 19 вѣкѣ (1855—58 г.г.) живопись была сильно подновлена. Въ южной половинѣ галлерей есть картина „Древо жизни“. Четыре картины изображаютъ призваніе Михаила Θεодоровича на царство.

Въ Успенскомъ соборѣ находится главная святыня г. Костромы Θεодоровская икона Богоматери. Въ иконостасѣ есть икона Іоанна Богослова, писанная въ 1559 г. Есть нѣсколько иконъ 17 вѣка. Надъ сѣверными дверями небольшая (6×6 вершк.) икона Θεодоровской Богоматери, подаренная Михайломъ Θεодоровичемъ; она въ серебряномъ окладѣ и съ патой, украшенной жемчугомъ. На другой такой же иконѣ есть изображеніе собора и кремля. Есть большая икона съ 171 явленіемъ Божіей Матери; работа иконы конца 18 вѣка. Въ ризницѣ собора хранятся рясны— двѣ привѣски къ Θεодоровской иконѣ, унизанныя по золотой фольгѣ крупнымъ жемчугомъ, золотыми кольцами и колодками. Затѣмъ хранятся цаты—жемчужныя накладныя ризы съ Θεодоровской иконы, украшенныя драгоценными камнями. Изъ надписи видно, что онѣ пожертвованы Михайломъ Θεодоровичемъ. Въ бібліотекѣ собора есть евангеліе, напечатанное въ 1598 году.

Въ соборѣ висятъ знамена Костромского ополченія 1812 года и Костромскихъ дружинъ 1853—56 годовъ.

Феодоровская икона Богоматери. Феодоровская икона написана масляными красками на доскѣ, длина которой одинъ аршинъ $2\frac{1}{2}$ вершка, а ширина 12 вершковъ. Богоматерь изображена по поясъ съ Младенцемъ на рукѣ. У иконы рукоять въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Образъ оставался неизмѣннымъ до 1636 года, когда икона была обновлена новой олифой безъ поправки живописи; въ 1676 году было сдѣлано вторичное обновленіе; въ 1745 г. образъ былъ снова подновленъ и украшенъ золотомъ и серебромъ. Обновленія не касались ликовъ Богоматери и Младенца. Лики покрыты слюдой. Съ 1891 года икона покрыта золотой ризой. Въ прославленіе Богоматери установлены праздники 16 августа (день перенесенія иконы въ городъ съ рѣчки Запрудни) и 14 марта (день благословенія иконой Михаила Феодоровича на царство).

Богоявленскій соборъ. На мѣстѣ бывшаго въ кремлѣ Крестовоздвиженскаго монастыря въ 1791 году былъ построенъ Богоявленскій соборъ. Въ 1861—68 годахъ къ нему были пристроены два придѣла, изъ нихъ одинъ въ память

избавленія Александра II отъ руки злодѣя Молвитинскимъ крестьяниномъ Осипомъ Комиссаровымъ. Съ западной стороны къ Богоявленскому храму примыкаетъ колокольня до 30 сажень высотой. Строителемъ храма и колокольни былъ мѣщанинъ посада Большихъ Солей Степанъ Воротиловъ.

Богоявленскій женскій монастырь. Богоявленскій женскій монастырь находится на Богоявленской улицѣ недалеко отъ Сусанинской площади. Монастырь основанъ въ половинѣ 15 вѣка при князѣ Василии II Темномъ старцемъ Никитою, ученикомъ Сергія Радонежскаго. Въ 1608 году монастырь былъ взятъ поляками, разгромленъ и разграбленъ. Въ 1642—48 году былъ обнесенъ каменной оградой съ 6 башнями протяженіемъ 450 саж. Ограда передѣлывалась; послѣдняя передѣлка была въ 1833 году. Царь Алексѣй Михайловичъ подарилъ монастырю семь литыхъ пушекъ, которыя до сихъ поръ хранятся внутри монастыря у ограды Никольскаго храма. Въ 1780 году все монастырскія зданія были обращены въ присутственныя мѣста до 1809 года. Въ 1814 году въ нихъ была помѣщена духовная семинарія, которая оставалась тамъ до 1847 г. Въ 1847 году монастырь сгорѣлъ во время пожара, истребившаго большую часть города. Монахи были переведены въ Игрицкій Песоченскій монастырь. Богоявленскій монастырь былъ переименованъ въ женскій.

Богоявленскій храмъ монастыря былъ построенъ въ 1563—65 годахъ. Постройка этого времени теперь служить алтаремъ обширной пристроенной къ нему въ 1864—69 годахъ церкви. Въ алтарѣ отъ 1672 г. сохранилась фресковая живопись, нѣсколько подновленная. Къ этому же времени относится написаніе иконы Смоленской Вожіей Матери на стѣнѣ монастырской ограды. Теперь икона находится въ Смоленскомъ храмѣ на углу Богоявленской улицы и

Пятницкаго переулка. Смоленскій храмъ построенъ въ 1825 году попеченіемъ архимандрита Макарія. Другая святыня монастыря находится въ монастырской часовнѣ, ходъ въ которую съ Пятницкаго переулка; это образъ святителя Николая Чудотворца.

Въ монастырской ризницѣ много цѣнныхъ для археолога предметовъ. Между ними рукописный сборникъ царя Ивана Васильевича Грознаго и рукописное толковое евангеліе 1571 г.

Подъ Богоявленскимъ храмомъ усыпальница, въ которой погребены основатель монастыря старецъ Никита, бояре Салтыковы, князья Хованскіе и др.

Николаевскій лѣтній храмъ построенъ въ половинѣ 18 вѣка надъ могилой М. П. Салтыкова его супругой Е. М. Салтыковой.

Анастасинъ Крестовоздвиженскій монастырь. Этотъ монастырь находится между Мшанской и Царевской улицами близъ Сусанинской площади. Приписанъ къ Богоявленскому. Монастырь основанъ въ 14 вѣкѣ и назывался Ризположенскимъ. Въ 1764 г. былъ упраздненъ, и монахи были переведены въ кремлевскій Крестовоздвиженскій монастырь. Послѣ пожара въ кремлѣ въ 1773 г. онъ опять былъ возстановленъ, но съ именемъ Крестовоздвиженскаго. Когда монахи Богоявленскаго монастыря послѣ пожара были переведены въ Песоченскій монастырь, и зданія Богоявленскаго монастыря были переданы Крестовоздвиженскому, то инокини изъ послѣдняго были переведены въ первый, а Крестовоздвиженскій остался въ качествѣ отдѣленія Богоявленскаго. Настоящій каменный Крестовоздвиженскій храмъ отстроенъ въ 1831—32 годахъ, а колокольня въ 1834 году. Въ оградѣ монастыря есть Срѣтенская церковь, построенная въ 17 вѣкѣ. Въ крестовоздвиженскомъ монастырѣ въ

настоящее время помѣщается училище для дѣвицъ съ фельдшерскимъ отдѣленіемъ и пріемный покой для бѣдныхъ больныхъ.

Церковь Воскресенія на Дебрѣ. Въ писцовыхъ книгахъ 1630 года церковь Воскресенія значится деревянной. Настоящая каменная церковь устроена въ 1652 г. типаніемъ московскаго купца Кир. Гр. Исакова и прихожанъ этой церкви. Этотъ храмъ выдѣляется изъ другихъ своей оригинальной архитектурой, затѣливой орнаментикой и богатствомъ стѣнной живописи. На храмѣ пять чашуйчатыхъ главъ. Окна съ дугообразными перемычками; надъ ними кокошники; наличники изъ колоннъ съ карнизами. Съ трехъ сторонъ храма крытыя галереи. Паперть съ тремя отдѣльными входами съ башнями. Наружныя стѣны испещрены художественными украшеніями. Углы и стѣны украшены гладкими кирпичными пилястрами. На каждой стѣнѣ выше карниза по три арки съ написанными въ нихъ образами. Главный входъ въ паперть украшенъ рельефными символическими фигурами орловъ, льва, единорога, сирина, пеликана. Лѣстницы сдѣланы по образцу входовъ древнихъ боярскихъ хоромъ.

Въ галереяхъ храма настѣнные фрески работы 17 вѣка; впрочемъ фрески съ лѣвой стороны сильно записаны впоследствии. На южной сторонѣ есть изображенія праотцевъ, у коихъ на лонѣ праведники въ видѣ младенцевъ. У южной двери изображено „Недреманное Око“: Иисусъ Христосъ возлечь на одрѣ, около него Божія Матерь и два ангела, изъ коихъ одинъ съ орудіями страстей, другой съ рипидой. Врата съ галереи въ церковь во вкусѣ 17 вѣка. Иконостасъ въ два яруса и устроенъ въ 1852 году. Въ придѣлѣ Св. Екатерины иконостасъ и царскія врата работы 17 вѣка. Въ придѣлѣ Трехъ Святителей иконостасъ мелкой рѣзной работы съ миниатюрными барельефными узо-

рами. Царскія врата рѣзные. Въ храмѣ нѣсколько древнихъ иконъ. Въ ризницѣ много предметовъ, интересныхъ въ археологическомъ отношеніи. Есть два цѣнныхъ напрестольныхъ креста; они серебряные вызолоченные и унизанные жемчугомъ. Также есть старинные потиры (одинъ серебряный 1552 года), диски, звѣздицы, блюдечки, кадила, ковчеги, воздухи, шитые золотомъ и серебромъ.

Подъ церковью подвалъ и усыпальница.

Отдѣльно стоитъ теплый храмъ съ колокольной, построенный въ 1802 г. Три придѣла: внизу, въ куполѣ и колокольнѣ.

Троицкая церковь. Троицкая церковь находится за Богоявленскимъ монастыремъ между Власьевской и Ново-Троицкой улицами. Построена въ 1650 году на средства Костромскаго купца Ил. Постникова. Храмъ замѣчателенъ въ архитектурномъ отношеніи. Его стѣны, окна и входы снаружи разнообразно и красиво орнаментированы. Надъ окнами украшенія изъ кривыхъ и прямыхъ линій въ видѣ кокошниковъ; наличники на окнахъ съ прямыми и витыми полуколонками. На углахъ храма гладкія полуколонки. На стѣнахъ алтаря пилястры. На стѣнахъ въ видѣ карниза вставлены зеленыя кафельныя изображенія двуглаваго орла, всадника, группъ всадниковъ. Вокругъ церкви и колокольни тройной карнизъ изъ зубчиковъ, кружковъ, четырехугольниковъ и цвѣтныхъ кафелей. Надъ карнизомъ тройной рядъ полукружій въ видѣ кокошниковъ. Колокольня въ основаніи квадратная, выше восьмигранная. На колокольнѣ пирамидальный шатеръ; на каждой грани тройные кокошники. Иконостасъ построенъ въ 1844 году. Въ иконостасѣ, алтарѣ и на стѣнахъ есть старинныя иконы. Стѣны расписаны въ 1849 г. Есть старинныя оклады изъ жемчуга и цвѣтныхъ камней, деревянный крестъ, обложенный серебромъ,

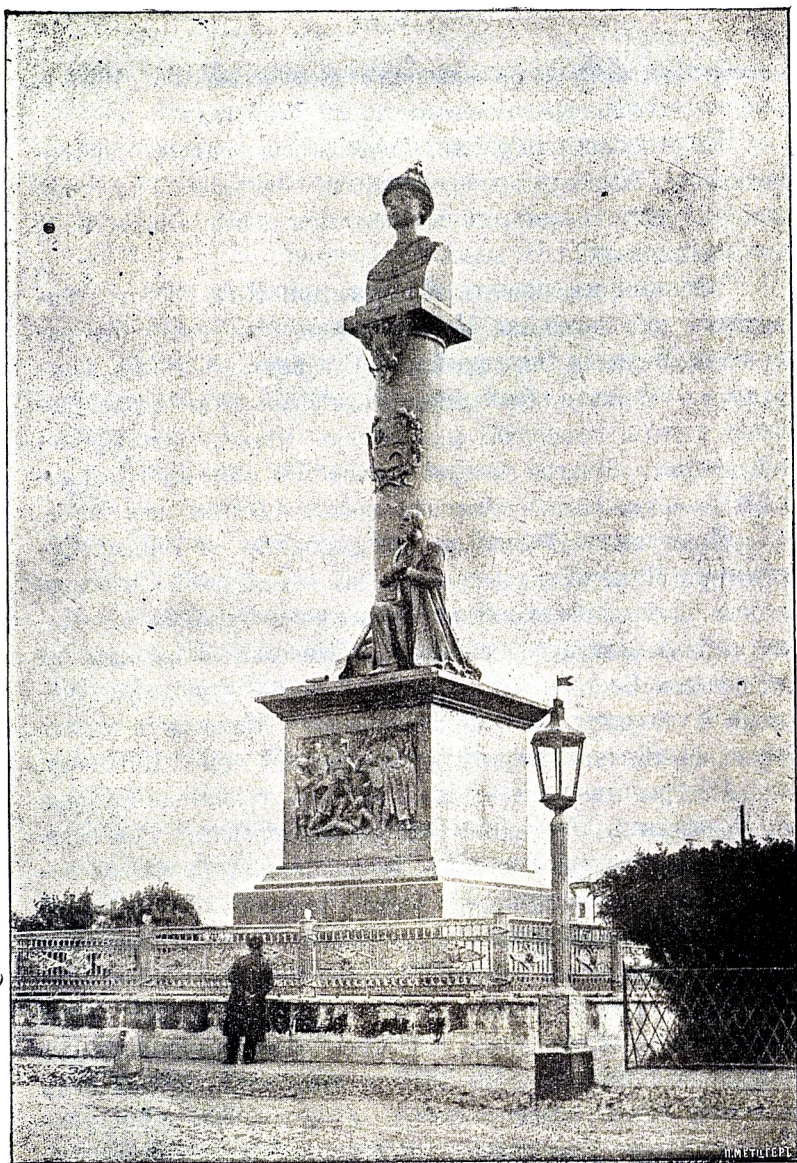
серебряный ковчегъ съ колоннами. Есть евангеліе 1657 г. Зимняя теплая церковь построена въ 1786 году.

Георгіевская церковь. Георгіевская церковь, построенная въ 1772 году, съ прекраснымъ портикомъ въ стилѣ ампира; служить теплымъ храмомъ при церкви Воскресенія, что на площадкѣ.

Часовня въ память Александра II-го. Этотъ памятникъ находится на Молочной горѣ по дорогѣ отъ памятника Михаилу Ѳеодоровичу и Сусанину къ Волгѣ. Снаружи на стѣнахъ обозначены важнѣйшія событія царствованія и годы совершенія ихъ; затѣмъ нѣсколько изображеній святыхъ. Внутри часовни иконы. Со стороны Сусанинской площади видъ на часовню портитъ безобразная труба.

Памятникъ Михаилу Ѳеодоровичу и Ивану Сусанину. Памятникъ находится на центральной площади города, которая по памятнику называется Сусанинской. Памятникъ воздвигнутъ по желанію Николая I на средства дворянства Костромской губерніи по проекту ректора Академіи Художествъ Демуть-Малиновскаго. Памятникъ стоилъ около 44 тысячъ. Открытіе состоялось 14 марта 1851 года.

На гранитномъ пьедесталѣ стоитъ гранитная колонна съ бронзовымъ бюстомъ Михаила Ѳеодоровича Романова. У подножья колонны на томъ же пьедесталѣ бронзовая колѣнопреклоненная фигура Ивана Сусанина. На передней сторонѣ барельефъ изображаетъ убіеніе Сусанина поляками; на противоположной сторонѣ сдѣлана надпись: „Ивану Сусанину, за царя, носителя вѣры и царства, животь свой положившему, благодарное потомство“. Съ двухъ остальныхъ сторонъ поставлены годы 1613 и 1851. На колоннѣ подъ бюстомъ государственный гербъ, ниже его гербъ Костромской губерніи. Памятникъ огороженъ металлической рѣшеткой. Вокругъ памятника бульваръ.

Памятникъ Ивану Сусанину въ г. Костромѣ

Романовскій Археологическій музей. Археологическій музей существуетъ при Костромской Архивной Комиссіи. Прежде онъ помѣщался въ дворянскомъ домѣ по Павловской улицѣ, занимая въ немъ нѣсколько небольшихъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ. Но затѣмъ въ виду исполняющагося трехсотлѣтія въ 1913 г. царствования Дома Романовыхъ рѣшено было построить собственное зданіе музея и назвать его Романовскимъ. Теперь зданіе закончено. Домъ построенъ на дворянской усадьбѣ рядомъ съ дворянскимъ домомъ. Средства для постройки были собраны путемъ пожертвованій.

Музей заключаетъ въ себѣ нѣсколько отдѣловъ.

1. Романовскій отдѣлъ. Здѣсь собраны предметы, имѣющіе отношеніе къ исторіи Царствующаго Дома, какъ-то: документы, книги, портреты, картины и разные другіе предметы.

2. Церковный отдѣлъ. Онъ состоитъ изъ старинныхъ иконъ, церковныхъ сосудовъ и разныхъ принадлежностей богослуженія и храма.

3. Доисторическій отдѣлъ. Въ немъ собраны каменные орудія, много предметовъ, служившихъ для украшенія мужчинъ и женщинъ, много предметовъ домашняго быта. Всѣ эти предметы найдены при раскопкахъ могильниковъ въ предѣлахъ Костромской губерніи. Коллекція костей исчезнувшихъ животныхъ.

4. Этнографическій отдѣлъ. Въ этомъ отдѣлѣ собраны старинное оружіе, предметы одежды и домашней обстановки давней и недавней старины.

5. Архивный отдѣлъ. Онъ заключаетъ въ себѣ документы изъ архивовъ казенныхъ учреждений, дворянскихъ родовъ, нѣкоторыхъ частныхъ лицъ.

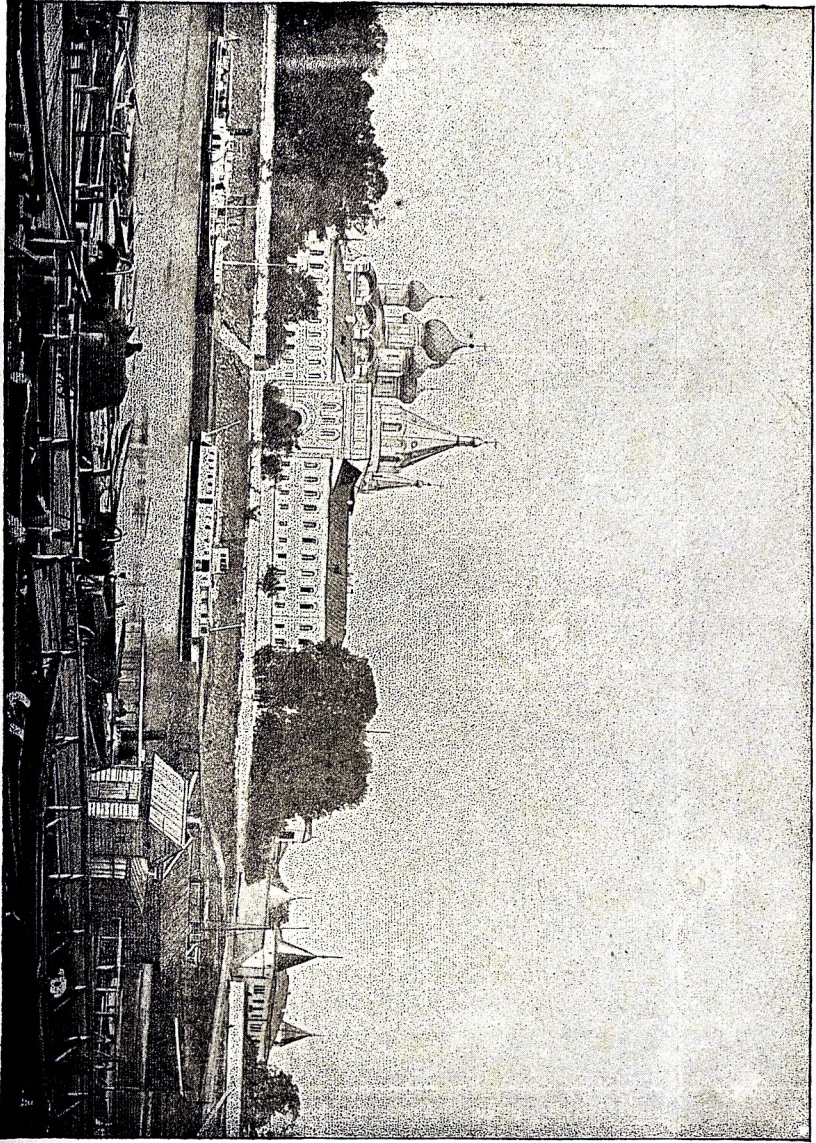
6. Библиотека музея. Довольно обширное собрание книгъ, въ которомъ есть сочиненія и періодическія изданія по археологіи, исторіи, географіи, статистикѣ; между ними есть сочиненія, относящіяся и къ Костромской губерніи.

7. Отдѣлъ гравюръ. Заключаетъ въ себѣ обширную и цѣнную коллекцію гравюръ.

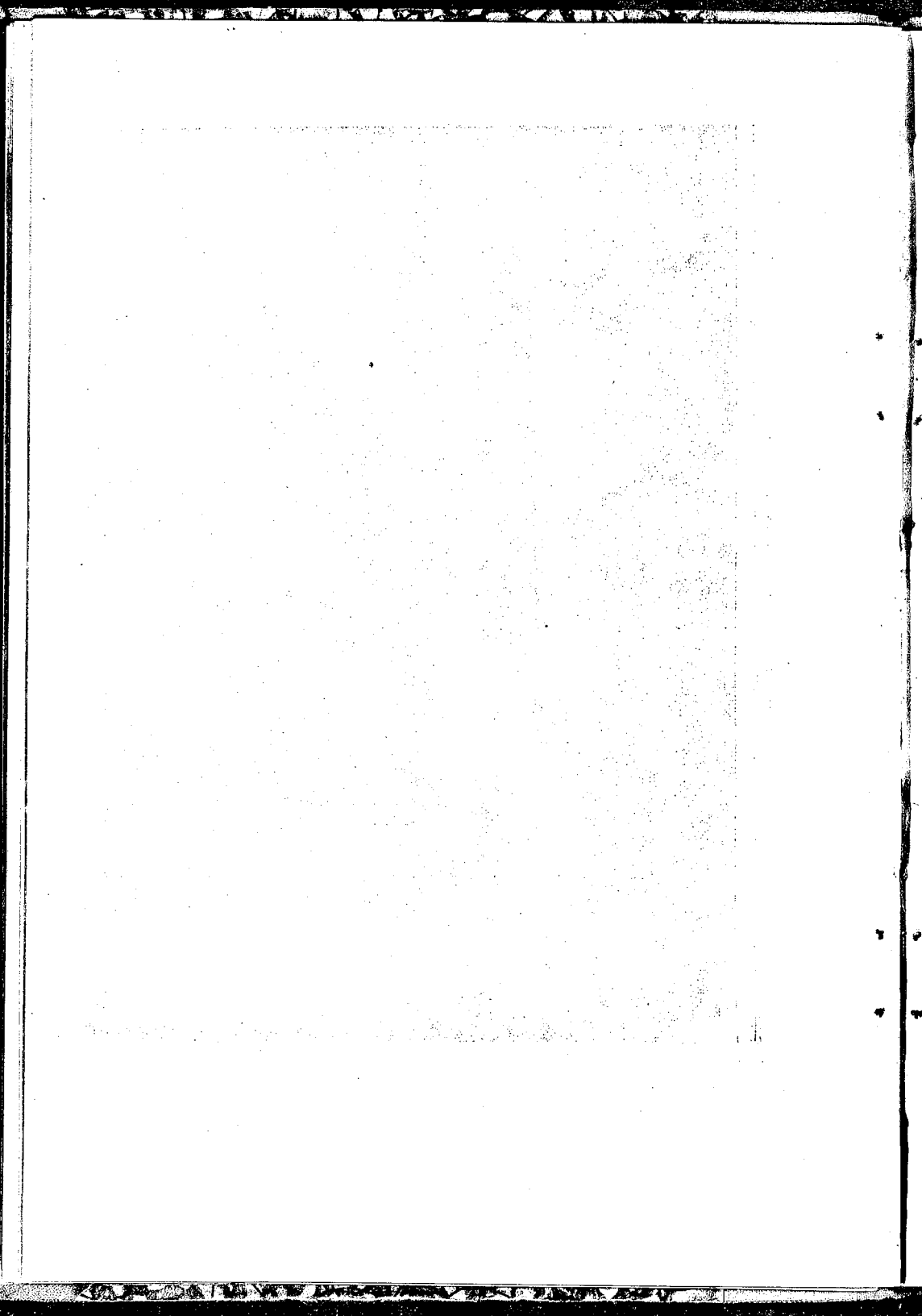
8. Отдѣлъ нумизматической. Заключаетъ коллекціи монетъ.

Ипатьевскій монастырь. Ипатьевскій монастырь находится за городской чертой на правомъ берегу р. Костромы близъ впаденія ея въ Волгу. Монастырь былъ основанъ въ княженіе Іоанна Калиты (1330 г.). Основателемъ его былъ татарскій мурза Четъ, выѣхавшій изъ орды на службу къ Московскому князю. Четъ принялъ православіе съ именемъ Захаріи и впоследствии построилъ монастырь въ память священномученика Ипатія на томъ мѣстѣ, на которомъ онъ имѣлъ видѣніе при остановкѣ въ пути близъ впаденія р. Костромы въ Волгу. Въ этомъ монастырѣ онъ былъ и погребенъ. Съ начала основанія по 16 вѣкъ монастырь былъ деревяннымъ. Потомки Чета бояре Годуновы, особенно Димитрій Ивановичъ и его племянникъ Борисъ Феодоровичъ, впоследствии царь, возвели въ монастырѣ каменные постройки. Они построили три каменныхъ дома, изъ коихъ въ одномъ впоследствии жилъ временно Михаилъ Феодоровичъ Романовъ. Названные Годуновы построили каменную ограду вокругъ монастыря длиною въ 243 саж. съ 6 башнями и 4 воротами. Впоследствии одни ворота были передѣланы въ 1767 году по случаю пріѣзда Екатерины II. Въ 1642—43 годахъ ограда была расширена на 144 сажени.

Въ Ипатьевскомъ монастырѣ 14 марта 1613 года Михаилъ Феодоровичъ далъ свое согласіе вступити на царскій престолъ. Троицкій соборъ, въ которомъ произошло это за-

Костромской Ипатьевский монастырь.

мѣчательное событіе, былъ разрушенъ 29 января 1649 года взрывомъ пороха, хранившагося подъ соборомъ. На мѣстѣ разрушеннаго въ 1650—52 годахъ былъ построенъ нынѣшній Троицкій соборъ. Другая монастырская церковь Рождества Богородицы была построена въ 1864 году вмѣсто разобраннаго въ 1859 г. по причинѣ ветхости каменнаго храма, построеннаго въ 1760—64 годахъ. Интересна въ архитектурномъ отношеніи колокольня, построенная въ 1603 г. Д. Ив. Годуновымъ. Она была нѣсколько перестроена въ 1770 и 1852 г.г.; въ 1908 г. была отремонтирована, а въ 1913 г. опять ремонтируется. Высота колокольни 17 саж. $1\frac{1}{2}$ арш., длина 11 саж. $3\frac{1}{2}$ арш. Стѣны расписаны изображеніемъ святыхъ.

Троицкій соборъ представляетъ воспроизведеніе соборовъ 16 и 17 вѣковъ. Онъ на подклѣти и съ крытыми галереями. Портикъ храма на кувшинообразныхъ каменныхъ колоннахъ; арки съ подвѣсными гирьками. На храмѣ шесть главъ, передѣланныхъ въ 1830 г. Врата въ церковь работы 17 вѣка. Внутреннія двери сдѣланы изъ желѣза и обиты латуною, съ изображеніями изъ сусальнаго золота въ подражаніе византійской инкрустаціи. Тутъ изображены языческіе философы и сивиллы съ предсказаніями о Пречистой Дѣвѣ и пришествіи Мессіи. Западныя, южныя и сѣверныя двери взяты изъ стараго храма и составляютъ вкладъ Д. И. Годунова. Внутри собора и галереи фресковая стѣнная живопись работы костромскихъ иконописцевъ. Живопись была сдѣлана въ 1685 г.; къ юбилейному 1913 году она очищена и промыта, а мѣстами возобновлена.

У праваго клироса находится царское мѣсто, присланное Михайломъ Θεодоровичемъ въ 1613 г. Подлѣ царскаго мѣста портреты царей Михаила Θεодоровича и Алексѣя Михайловича во весь ростъ съ нимбами около головы. Ико-

ностасть собора рѣзной работы 1756—58 годовъ. Иконы 17 и 18 вѣковъ. Мѣстная икона св. Троицы пожертвована Д. И. Годуновымъ; потомъ она была переписана на другую доску. Отъ прежней иконы сохранились три золотыя медали Карла IX, шведскаго короля, пожертвованныя Михаиломъ Теодоровичемъ въ 1616 году. Икона находится въ иконостасѣ на правой сторонѣ. Въ галлерей есть изображеніе „Страшнаго суда“. Замѣчательнъ также мозаичный образъ св. Николая, стоящій 12 тыс. р.; онъ былъ подаренъ черниговскимъ дворянствомъ въ память 25-лѣтія царствования Николая I-го.

Въ усыпальницахъ подъ церковью Рождества Богородицы погребены за алтаремъ съ южной стороны основатель монастыря Захарія и его родъ, съ восточной стороны родъ Стефана, Григорія и Ивана Васильевичей Годуновыхъ, въ третьей усыпальницѣ родъ Никиты и Петра Вас. Годуновыхъ. Подъ папертью Троицкаго собора погребены кн. Вяземскіе, Мстиславскіе, Лобановы-Ростовскіе, Куракины, Щербатовы.

Ипатьевскій монастырь представляетъ изъ себя настоящей церковно-археологической музей. Въ храмахъ и ризницѣ находятся образъ Тихвинской Божіей Матери, четыре иконы св. Троицы, изъ коихъ двѣ 1586 г., двѣ 1593 г.; затѣмъ рукописное евангеліе 15 вѣка, два рукописныхъ евангелія и двѣ полууставныхъ псалтири 16 в., лицевыя рукописи 16 и 17 в., рукописное евангеліе съ миниатюрами, даръ Годуновыхъ, рукописныя псалтири съ миниатюрами; далѣе имѣется много напрестольныхъ крестовъ 16 и 17 в., золотыя церковныя сосуды, пожертвованныя Годуновыми, съ надписями именъ жертвователей. Имѣются также многочисленные и разнообразныя предметы шитья, на коихъ вышиты золотомъ, серебромъ и шелками цѣлыя событія изъ Священнаго Писанія, воздухи и священныя одежды;

много цѣнныхъ предметовъ архіерейскаго облаченія. Императоръ Николай I посѣтилъ монастырь въ 1834 году и много сдѣлалъ для его благоустройства; по его приказанію изъ оружейной палаты были присланы посохъ изъ чернаго дерева, серебряный ковшъ, принадлежащій Михаилу Ѳеодоровичу. Въ ризницѣ имѣется запрестольный крестъ, икона Владимірской Божіей Матери и большой фонарь, принесенные въ Кострому въ мартѣ 1613 г. изъ Москвы посольствомъ. Архивъ монастыря богатъ историческими документами.

Въ оградѣ монастыря стоитъ небольшой двухэтажный домъ, построенный во вкусѣ 16 вѣка и извѣстный подъ именемъ „Палатъ бояръ Романовыхъ“. Свой нынѣшній видъ „Палаты“ имѣють съ 1863 года. Въ домѣ 8 небольшихъ комнатъ съ невысокими потолками и маленькими окнами. Въ Ипатьевскомъ монастырѣ въ намѣстническихъ кельяхъ, построенныхъ Д. И. и Б. Ѳ. Годуновыми въ 1586—97 годахъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ жилъ съ конца февраля до 19 марта 1613 года. До начала 19 вѣка намѣстническія кельи служили для нуждъ монастыря и не пользовались особымъ вниманіемъ. Въ 1860—63 годахъ кельи были перестроены заново по плану архитектора московской дворцовой конторы Рихтера. При перестройкѣ за образецъ былъ взятъ домъ Романовыхъ въ Москвѣ. Будучи перестроенными, намѣстническія кельи дѣйствительно стали напоминать царскій дворецъ 16—17 вѣка и по внѣшнему виду и по внутреннему устройству. Рихтеръ старался сохранить сходство съ бывшими намѣстническими кельями по размѣру зданія и числу комнатъ. Въ покояхъ изразцовыя печи, старинная мебель, старыя иконы и картины, отличный портретъ Михаила Ѳеодоровича. Дворецъ принадлежитъ дворцовому вѣдомству и содержится на его средства. Теперь онъ пе-

реданъ монастырю и будетъ служить помѣщеніемъ для церковно-историческаго музея.

Передъ „Палатами“ находится столбъ съ крестомъ наверху; на столбѣ высѣчены годы важнѣйшихъ монастырскихъ событій.

Монастырь окруженъ высокой каменной стѣной съ башнями. Стѣна окаймлена каменными зубцами, между коими узкіе просвѣты для стрѣльбы въ осаждающаго непріятеля. За зубцами балконъ для защитниковъ и для склада матеріала для защиты. Снаружи идетъ вторая болѣе низкая стѣна, устроенная для защиты отъ наводненій въ 1838 году, какъ и каменная плотина.

Въ монастырѣ имѣютъ пребываніе епархіальный и викарный архіереи.

При монастырѣ имѣется епархіальный свѣчной заводъ.

Въ двухъ верстахъ отъ монастыря находится оз. Святое. По дорогѣ къ нему двѣ часовни: одна при деревнѣ Святое на мѣстѣ битвы Костромскаго князя Василя Ярославича съ татарами, другая при оз. Святое на мѣстѣ побѣды Костромскаго ополченія надъ польскимъ отрядомъ Лисовскаго.

Спасская церковь за Волгой. Спасская церковь въ Спасской слободѣ за Волгой представляетъ интересъ для археолога. Она построена въ 1685—88 году и по архитектурѣ похожа на городскую Троицкую церковь. Съ западной стороны къ ней примыкаетъ трапезная церковь и шатровая колокольня. Въ холодной церкви на камнѣ вырублена записъ о времени построенія храма. Иконостасъ работы 17 вѣка. Въ числѣ картинъ есть „Плоды страданій Христовыхъ“ или живой крестъ. На крестѣ распятый Христосъ. Крестъ процвѣлъ: изъ верхняго конца проросла вѣтвь, изъ которой выступаетъ рука, возлагающая вѣнецъ на церковь

Божію; изъ вѣтви на лѣвой части креста выступаетъ рука съ мечомъ, поражающимъ смерть; изъ вѣтви, проросшей у подножія креста, выступаетъ рука съ молотомъ и поражаетъ діавола. Въ церкви есть старинный напрестольный крестъ.

С. Селище. Противъ Ипатьевского монастыря на правомъ берегу Волги находится с. Селище. Здѣсь останавливалось Московское посольство, прибывшее просить Михаила Феодоровича на царство. Отсюда посольство направилось къ Ипатьевскому монастырю и на Волгѣ около устья рѣки Костромы соединилось съ крестнымъ ходомъ, вышедшимъ изъ Успенскаго собора въ кремль.

Описаніе историческихъ памятниковъ Костромы пополнимъ описаніемъ нѣкоторыхъ современныхъ учреждений города.

Земскій естественно-историческій музей. Въ этомъ музеѣ собраны коллекціи и предметы по зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, географіи, физикѣ, исторіи отечественной. Здѣсь есть чучела звѣрей и птицъ, водящихся въ Костромской губерніи; много спиртовыхъ препаратовъ низшихъ животныхъ; довольно полныя коллекціи жуковъ и бабочекъ Костромской губерніи; приборы по физикѣ и химіи для преподаванія ихъ на первой ступени; много картинъ и картъ по географіи, естественной исторіи, исторіи и Закону Божію; глобусы, модели по географіи. Минералогическая коллекція включаетъ въ себѣ учебную коллекцію и образцы минераловъ и окаменѣлостей Костромской губерніи. Есть коллекція, представляющая постепенную обработку льна.

Основаніемъ музею послужили естественно-историческія коллекціи бывшей въ Костромѣ земской учительской семинаріи, хранившіяся въ канцеляріи губернской земской управы. Передъ открытіемъ въ Костромѣ лѣтнихъ учительскихъ курсовъ въ 1903 году коллекціи были помѣщены при земскомъ

книжномъ складѣ, при которомъ онѣ оставались до 1910 г., когда заняли отдѣльное помѣщеніе. Музей открытъ для посѣтителей по воскресеніямъ, когда происходитъ объясненіе коллекцій.

Земскій кустарный музей. Музей открытъ въ 1910 г. и представляетъ собраніе образцовъ кустарныхъ работъ. Здѣсь образцы столярныхъ, токарныхъ работъ, женскихъ рукодѣлій. Рядомъ съ музеемъ находится земскій кустарный складъ, въ которомъ продаются работы кустарей.

Земскій пчеловодный музей. Музей помѣщается во флигелѣ при домѣ, занимаемомъ губернскимъ земствомъ по Дворянской улицѣ. Въ музеѣ находятся ульи различныхъ системъ и принадлежности пчеловодства. Музей открытъ ежедневно. Въ немъ можно также получать статистическія свѣдѣнія по пчеловодству Костромской губерніи. Есть специальная бібліотека, мастерская по выдѣлкѣ искусственной вошины, учебныхъ пособій по пчеловодству. Есть коллекція картинъ для волшебнаго фонаря къ чтеніямъ по пчеловодству.

Астрономическая башня. На домѣ губернскаго земства выстроена башня для помѣщенія въ ней астрономической трубы, пріобрѣтенной на средства земства. Башня открыта для посѣтителей въ опредѣленные дни.

Техническое училище имени Ѳ. В. Чижова. Училище съ своими постройками занимаетъ обширную площадь между Царевской и Мшанской (Московской) улицами на краю города по пути въ Ипатьевскій монастырь. Имѣетъ прекрасно оборудованныя мастерскія и лабораторіи: химическую лабораторію для занятій учениковъ низшаго технического училища, механическую мастерскую для обработки металловъ при среднемъ механико-техническомъ училищѣ, слесарную мастерскую при низшемъ техническомъ училищѣ.

моделировальную мастерскую, литейную, техническую лабораторію для сухой перегонки дерева, нефти, для выдѣлки мыла, кислотъ солей и т. п. При училищѣ есть электрическая станція. Мастерскія и лабораторіи съ пользою посѣщаются учащимися среднихъ учебныхъ заведеній города.

Памятники гражданской архитектуры. На Сусанинской площади обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько зданій, интересныхъ по своей архитектурѣ; таковы: пожарное депо съ каланчей, гауптвахта, зданіе присутственныхъ мѣстъ, окружного суда и торговые ряды.

Пожарное депо построено въ 1825 г. архитекторами Фурсовымъ и Метлинымъ. Многія детали этой несомнѣнно красивой постройки напоминаютъ стиль Людовика XVI, какъ напримѣръ: форма и орнаментация капителей, обработка круглыхъ оконъ, переходъ къ каланчѣ и нѣкоторые другія.

Гауптвахта построена въ 1823 году въ стилѣ „ампиръ“ архитекторомъ Фурсовымъ. Гауптвахта принадлежитъ къ оригинальнымъ и красивѣйшимъ зданіямъ этого рода. Портикъ зданія образованъ шестью колоннами; за ними полукруглое пространство, по карнизу котораго лѣпныя украшенія изъ трюфеевъ и крылатыхъ геніевъ. Фризь портика украшенъ тригelifами и метопами. На площадкѣ передъ зданіемъ два каменныхъ круглыхъ пьедестала съ узорчатыми металлическими кронштейнами для фонарей.

Зданіе присутственныхъ мѣстъ возведено въ началѣ 19 вѣка (1804 г.) въ стилѣ „ампиръ“: четыре іоническихъ колонны на мощныхъ пьедесталахъ поддерживаютъ монументальную арку. Зданіе окружнаго суда, въ общемъ того же типа, уже Николаевского времени.

Торговые ряды по всей вѣроятности построены къ концу 18 вѣка; по крайней мѣрѣ колокольня церкви „Спаса въ Рядахъ“ построена въ 1766 году. Передъ воротами подъ колокольней этого храма портикъ съ четырьмя колоннами.

Недалеко отъ Сусанинской площади по Павловской улицѣ находится домъ дворянства, сооруженный въ концѣ 18 вѣка. Лѣпныя украшенія на фасадѣ мало выдѣляютъ этотъ домъ въ ряду другихъ. Внутри Екатерининскій залъ снабженъ двумя рядами іоническихъ колоннъ. Типичнѣе и красивѣе Николаевскій съ полукруглымъ амфитеатромъ для помѣщенія царскаго портрета. Надъ портретомъ Александровскій орелъ съ трофеями.

Наконецъ слѣдуетъ еще упомянуть о заставѣ на берегу Волги близъ перевозной пристани. Она представляетъ два каменныхъ обелиска съ орломъ на верху. Застава необходимая принадлежность старыхъ городовъ, а теперь это остатокъ старины.

Ал. Н. Рождественскій.

Костромской Ипатьевскій монастырь, его историческое значеніе и сокровища монастырской ризницы.

Костромской Ипатьевскій монастырь, окруженный каменной стѣной съ бойницами, представляетъ большой интересъ. Онъ расположенъ на берегу рѣки Костромы недалеко отъ впаденія ея въ Волгу. Мѣстоположеніе его очень красиво, особенно во время весенняго водоразлитія, когда обѣ рѣки Волга и Кострома выходятъ изъ береговъ и затопляютъ на далекое разстояніе всю окружающую мѣстность; въ это время монастырь бываетъ буквально окруженъ водою и представляетъ изъ себя съ прилегающей къ нему Богословской слободой островъ.

Основателемъ этого монастыря былъ татарскій мурза Четь, выѣхавшій въ Москву изъ Орды въ 1330 году. На пути къ Москвѣ Четь останавливается для обычнаго отдыха у Костромы близъ того мѣста, гдѣ татары, его единоплеменники, 70 лѣтъ тому назадъ были разбиты Костромскимъ княземъ Василюемъ Ярославичемъ Квашнею. Мурза Четь ѣхалъ въ Россію не ради грабежа, какъ дѣлали его предки, а для мирной жизни и службы въ Россіи, и здѣсь, какъ показываетъ преданіе, Четь удостоился чудеснаго видѣнія, въ которомъ ему явилась Божія Матерь со святымъ апостоломъ Филиппомъ и священномученикомъ Ипатіемъ Гангрскимъ. Четь увѣровалъ въ Бога и крестился во имя Господа Иисуса Христа, принявъ имя Захаріи; въ память своего обращенія въ христіанство Четь устроилъ на свои средства на мѣстѣ видѣнія обитель съ деревяннымъ храмомъ во имя

священномученика Ипатія и обнесъ ее дубовою стѣною. Отъ Захаріи Чета произошелъ, между многими фамиліями—Сабуровыхъ, Пѣшковыхъ, Шеиныхъ, Вельяминовыхъ, родъ Годуновыхъ, которые черезъ свои каменные постройки въ монастырѣ и богатые вклады обратили обитель Ипатія въ „преименитую“ лавру. Древнѣйшая исторія монастыря скудна на свѣдѣнія. Весной 1435 года великій князь Московскій Василій II во время борьбы съ галичскимъ княземъ Василіемъ Косымъ расположился около монастыря, Василій же Косой расположился въ Костромѣ, но половодѣ мѣшало имъ сразиться, и потому они заключили миръ, подписанный въ Ипатьевской обители. Въ память этого событія великій князь Василій Васильевичъ далъ монастырю право на пользованіе перевозомъ черезъ р. Кострому; это была первая жалованная грамота, данная Ипатьевскому монастырю. Въ 1603 году Димитріемъ Годуновымъ была устроена въ монастырѣ колокольня, имѣющая видъ стѣнообразной звонницы.

Съ наступленіемъ смутнаго времени, когда Россія страдала отъ самозванцевъ, настало тяжелое время и для русскихъ обителей, не мало бѣдствій перенесъ и Ипатьевскій монастырь... Такъ Ипатьевской обители выпала горькая участь укрывать въ своихъ стѣнахъ въ теченіе пятимѣсячной осады враговъ земли русской, а именно воеводу Вельяминова, который просилъ помощи у Лжедмитрія противъ возставшихъ крестьянъ. Въ Кострому же пришли галичскіе, вологодскіе, устюжскіе, кологривскіе и парфентьевскіе крестьяне и ждали еще другихъ, обѣщавшихъ имъ помощь. Но такъ какъ просимая Вельяминовымъ помощь не подоспѣла во-время, а удержаться въ Костромѣ онъ былъ не въ силахъ,—то онъ избралъ своимъ мѣстопробываніемъ Ипатьевскій монастырь, гдѣ и заперся со своимъ войскомъ и всѣми приближенными. Костромское ополченіе приступило къ

монастырскимъ стѣнамъ и стало осаждать скрывшагося тамъ воеводу. Перваго мая 1609 года огромное костромское ополченіе изъ крестьянъ, подъ предводительствомъ воеводы Давида Жеребцова, переправилось снова на судахъ изъ Костромы къ монастырю. Вельяминовъ вышелъ противъ нихъ изъ Ипатьевского монастыря со своей ратью, но несмотря на все упорство ему опять пришлось искать спасенія за монастырскими стѣнами. Осаждающіе, чтобы лишить враговъ своихъ всякаго сообщенія, вырыли вокругъ монастырскихъ стѣнъ громадный ровъ, укрѣпили его булыжнымъ камнемъ, засѣли за нимъ и не давали осажденнымъ покоя ни днемъ, ни ночью; всетаки Вельяминову удалось послать двухъ пословъ въ Москву съ просьбою о помощи, и 23 мая ему выслали Лисовскаго, который вскорѣ явился подъ Костромою, остановившись на горной сторонѣ Волги—въ селѣ Селищѣ; Лисовскій, обстрѣливаемый ополченіемъ Жеребцова, никакъ не могъ достать лодокъ для переправы черезъ Волгу и, простоявъ двѣ недѣли, былъ принужденъ удалиться. Вельяминовъ дѣлалъ многочисленныя попытки помочь Лисовскому, но не могъ, и по отступленіи Лисовскаго, Ипатьевскій монастырь былъ отнять у измѣнниковъ въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Освобожденіе Россіи отъ вѣшнихъ враговъ, начатое въ 1611 году Мининымъ и Пожарскимъ, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ въ концѣ 1612 года; оставалось только избрать на престолъ всероссійскій православнаго государя; съ этою цѣлью въ Москвѣ былъ созванъ великій земскій соборъ. Сначала на этомъ совѣтѣ, по обыкновенію, открылись разногласія, но затѣмъ былъ единодушно выбранъ на престолъ шестнадцатилѣтній Михаилъ Теодоровичъ Романовъ, который въ это самое время проживалъ съ матерью своею инокинею Марѳою въ своей Костромской вотчинѣ.

Узнавши постановление собора, народъ пришелъ въ неописанный восторгъ. видя въ этомъ единоплеменномъ избраніи персть Божію. Написали грамоты къ Михаилу Ѳеодоровичу и матери его; въ Кострому же отправили великое посольство 13 марта посольство достигло села Новоселокъ (нынѣшнее Селище) и было встрѣчено жителями и начальствомъ Костромы; 14 марта Московское посольство вмѣстѣ съ Костромскими гражданами и крестнымъ ходомъ отправилось въ Ипатьевскій монастырь. Михаилъ съ матерью встрѣтили образа за монастыремъ; но когда послы объявили имъ, зачѣмъ они присланы, то Михаилъ отвѣчалъ „съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ“, что онъ государемъ быть не хочетъ, а мать его Марфа прибавила, что не благословляетъ сына на царство. Они оба долго не хотѣли пойти за иконами въ соборную церковь, насилу послы могли упробить ихъ. Въ церкви, послѣ торжественнаго молебствія передъ чудотворными иконами, послы подали Михаилу и матери грамоты отъ собора; молили и били челомъ имъ „съ третьяго часа до девятаго“, говорили, чтобъ онъ воли Божіей „не снималъ“, былъ на Московскомъ государствѣ государемъ; но Михаилъ все не соглашался. Послы стали грозить ему, что Богъ взыщетъ на немъ „конечное разоренье государства“; тогда Михаилъ и Марфа сказали, что они „во всемъ положились на праведныя и непостижимыя судьбы Божіи“; Марфа благословила сына,—Михаилъ принялъ посохъ отъ архіепископа, допустилъ всѣхъ къ рукѣ и сказалъ, что поѣдетъ въ Москву скоро. Воцареніе Михаила Ѳеодоровича 14 марта 1613 года празднуется доселѣ одновременно съ днемъ чествованія православной церковью чудотворной иконы Ѳеодоровской Божіей Матери. Съ этихъ поръ Ипатьевская обитель получила важное историческое значеніе. Въ ней прибавилось много новыхъ каменныхъ построекъ, были даны

новья права монастырю и его настоятелямъ. Изъ построекъ, сдѣланныхъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, сохранилась до настоящаго времени каменная ограда съ двумя башнями на углахъ и третьею „зеленою“, (крыта зеленою черепицею) въ срединѣ западной стѣны, въ которой находятся ворота въ монастырь. Устроено это все, по сказаніямъ книгъ, хранящихся въ ризницѣ монастыря, „повелѣніями государя Михаила Ѳеодоровича въ память того, что онъ симъ мѣстомъ изшелъ на царство Московское“. Въ 1649 году 29 января монастырскій Троицкій храмъ, въ которомъ Михаилъ Ѳеодоровичъ изъявилъ согласіе вступить на московскій престолъ, разрушился отъ взрыва пороха, хранившагося въ подвалахъ подь храмомъ; повреждена была при этомъ и придѣльная церковь во имя Михаила Малеина... По случаю разрушенія Троицкаго храма разобрано было и царское мѣсто, присланное изъ Москвы Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ память его воцаренія. Нынѣ существующій Троицкій храмъ устроенъ съ разрѣшенія царя Алексѣя Михайловича въ срединѣ XVII вѣка по образцу Ярославскаго собора, съ галлереями, расположенными съ трехъ сторонъ, и съ придѣлами въ алтарѣ.

До сихъ поръ сохранились въ архивѣ монастыря копіи съ грамотъ великаго князя Василія Темнаго, а также царей Іоанна Васильевича, Ѳедора Іоанновича, Бориса Ѳеодоровича, Василія Ивановича Шуйскаго; этими грамотами за обителью укрѣпляются различныя вотчины, дворцовыя села, даются ей провозныя пошлины и прочее. Въ 1623 году монастырю дана отъ царя Михаила Ѳеодоровича грамота, которою монастырскіе люди и крестьяне освобождались отъ всякихъ податей и сборовъ. Въ 1764 году, благодаря екатерининской секуляризациі церковныхъ имуществъ, отъ монастыря были отобраны всѣ его вотчины, и обитель лиши-

лась главныхъ средствъ содержанія; въ виду этого императрица Екатерина II, посѣтившая въ 1767 году Ипатьевскую обитель, пожертвовала въ распоряженіе преосвященнаго Дамаскина три тысячи рублей на нужды монастыря. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1860 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о реставраціи царскихъ келій въ Ипатьевскомъ монастырѣ, по образцу древняго дома Романовыхъ, находящагося въ Москвѣ. Эти работы были окончены въ 1862 году.

Въ монастырѣ находятся усыпальницы бояръ Годуновыхъ, всѣхъ ихъ въ монастырѣ три: въ первой за алтаремъ погребенъ Захарій, основатель обители, дѣти и правнуки его, ихъ родственники, родители царицы Ирины, супруги царя Θεодора Іоанновича, и многіе изъ ихъ рода; во второй усыпальницѣ противъ алтаря того же храма, съ восточной стороны, покоится родъ Стефана, Григорія и Ивана Васильевичей Годуновыхъ; въ третьей усыпальницѣ подъ галлереею Троицкаго храма родъ Никиты и Петра Васильевичей Годуновыхъ.

Ризница Ипатьевского монастыря съ давнихъ поръ устроена въ южной сторонѣ Троицкаго соборнаго храма въ видѣ небольшой особой комнатки, отдѣленной отъ придѣла каменной стѣной съ дверью по срединѣ. Теперь эта ризница предназначена для склада и храненія употребляемыхъ при богослуженіи принадлежностей, всѣ же предметы, которые въ ней помѣщались, съ 1913 года предположено помѣстить въ „палатахъ“ царя Михаила Θεодоровича, поступившихъ въ вѣдѣніе монастырскаго начальства. Въ ризницѣ въ настоящее время заключается богатое собраніе разнообразныхъ древностей церковныхъ, какое можно встрѣтить лишь въ очень немногихъ старинныхъ монастыряхъ Россіи. Изъ предметовъ церковной старины здѣсь одни замѣчательны по художественнымъ достоинствамъ древне-русской техники и

вмѣстѣ по высокой цѣнности и качеству самихъ матеріаловъ: золота, серебра, жемчуга, бархата, драгоценныхъ камней, парчи и проч.; другіе же достопримѣчательны по соединеннымъ съ ними историческимъ воспоминаніямъ. Изъ сохранившихся въ ризницѣ священныхъ одеждъ обращаютъ на себя особенное вниманіе древнія ризы, пожертвованныя Годуновыми, и болѣе новыя роскошныя ризы—вкладъ императрицы Екатерины и государыни Маріи Александровны. Изъ другихъ вещей, находящихся въ Ипатьевской ризницѣ, болѣе замѣчательны слѣдующія: два наперсныхъ креста—вкладъ царя Ивана Васильевича Грознаго; девять рукописныхъ евангелій, изъ которыхъ два вкладъ Ивана Васильевича и Дмитрія Ивановича Годуновыхъ. Въ ризницѣ тщательно сохраняются многія рукописныя и особенно старопечатныя богослужебныя книги, изъ коихъ особенную цѣнность имѣютъ лицевыя рукописныя Евангелія и Псалтири XVI и XVII вѣковъ. Въ ризницѣ хранится много богослужебныхъ сосудовъ и вообще церковныхъ принадлежностей. Привлекаютъ къ себѣ вниманіе по древности и цѣнности тѣ, которые пожертвованы боярами Годуновыми, это—большія водосвятныя блюда; роскошно вышитая золотомъ и серебромъ плащаница, убранная жемчугомъ, съ вышитой серебромъ надписью; „Вкладъ Дмитрія Ивановича Годунова“; на престольное одѣяніе, шитое изъ древнихъ надгробныхъ покрововъ,—даръ царицы Ирины; посохъ и серебряный ковшъ царя Михаила Ѳеодоровича, присланные въ монастырь изъ Московской Оружейной Палаты по повелѣнію императора Николая I-го. Посохъ сдѣланъ изъ дерева чернаго цвѣта, онъ стоитъ въ Троицкомъ храмѣ у царскаго мѣста, а ковшъ хранится въ ризницѣ. Кромѣ этихъ вкладовъ въ ризницѣ хранится много другихъ церковныхъ принадлежностей; сохранились двѣ иконы Владимирской Бо-

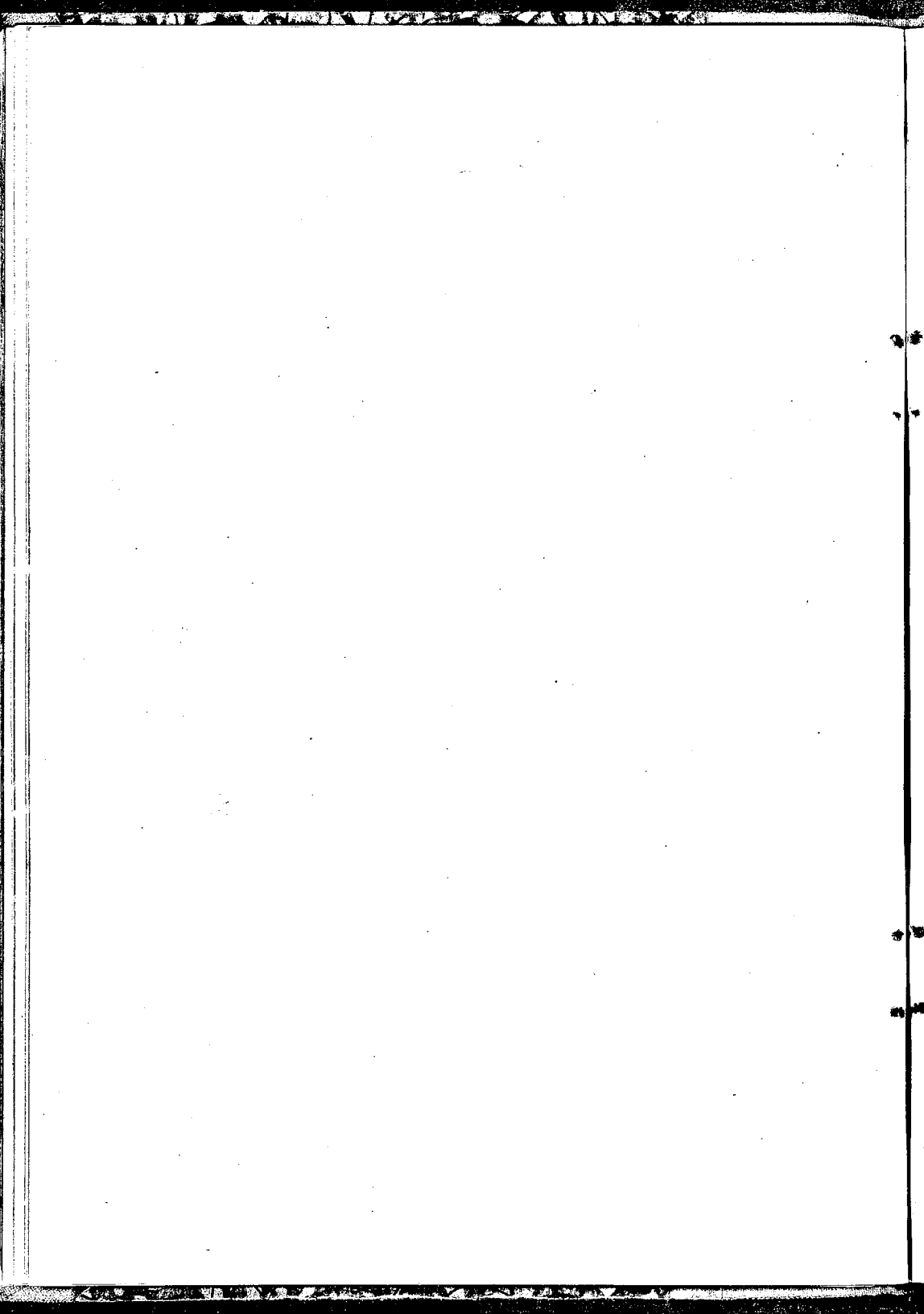
жіей Матери и деревянный крестъ, украшенный басмою; которые, по преданію, были принесены Московскими земскими послами и находились въ процессіи въ Ипатіевъ монастырь 14 марта 1613 года; также сохранился несенный передъ ними большой фонарь съ пятью шандалами внутри, сдѣланный изъ желѣза и слюды, съ мѣдными бордюрами, имѣеть шатровый верхъ въ видѣ короны съ десятью зубцами, завершенными каждый грушеобразною главкою. Изъ святыхъ монастыря слѣдуетъ упомянуть часть ризы Господней, присланную въ монастырь по повелѣнію царя Михаила Теодоровича въ 1626 году и хранищуюся въ особомъ ковчегѣ, гдѣ хранятся также частицы мощей святыхъ угольниковъ Божіихъ, изображенныхъ на вызолоченномъ окладѣ ковчега. На лѣвой сторонѣ Троицкаго храма находятся двѣ иконы: одна св. великомученика Димитрія Солунскаго, на кедровой доскѣ, украшенная жемчугомъ и драгоценными камнями, вкладъ Димитрія Ивановича Годунова; другая, самая древняя икона Божіей Матери, называемая „Воплощеніе“, на ней изображено небесное явленіе мурзѣ Чету Божіей Матери, предвѣчнаго Младенца и предстоящихъ передъ ними въ молитвенномъ положеніи апостола Филиппа и священномученика Ипатія. Заслуживаетъ вниманія мозаическій образъ святителя Николая Чудотворца—даръ черниговскаго дворянства. Хоругви съ вышитыми золотомъ и серебромъ священными изображеніями и подписью: „Вкладъ Государя Царя и Великаго князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя Россіи Самодержца.“

Вообще же судя по отзывамъ знатоковъ древней живописи, Ипатѣвскій монастырь сохранилъ болѣе древнихъ иконъ, чѣмъ Московскій Успенскій соборъ. Эта древняя, дорогая каждому русскому сердцу, обитель представляетъ для всякаго любителя старины обширное поле наблюденія;

хранящіеся въ ней драгоцѣнные вклады дороги для исторіи русскаго государства, съ судьбами котораго нераздѣльно слита исторія древняго Ипатьевскаго монастыря.

Ученикъ 7 кл. *Е. Никитинъ.*

Предки Михаила Θεодоровича Романова.

Триста лѣтъ назадъ былъ выбранъ на царство бояринъ Михаилъ Θεодоровичъ Романовъ. Почему выборъ палъ именно на него, еще юношу? Это можно объяснить только популярностью и древностью рода Романовыхъ.

Предки Романовыхъ впервые появляются при Иоаннѣ Калитѣ, этомъ первомъ Московскомъ князѣ—собирателѣ земли русской. Отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи родоначальника не можетъ быть данъ точный. Старинныя сказанія сообщаютъ по разному: въ однихъ говорится, что изъ Пруссіи выѣхалъ въ Россію въ княженіе отца Иоанна Калиты „Гландосъ Камбила, Дивоновъ сынъ“; другія утверждаютъ, что въ Россіи жилъ Андрей Ивановичъ Кобыла, но неизвѣстно, откуда онъ пріѣхалъ. Первое показаніе дано бояриномъ Шереметевымъ, сородичемъ Романовыхъ, и характерно въ томъ отношеніи, что своего родоначальника онъ вывелъ изъ Пруссіи. Дѣло въ томъ, что, когда уничтожились удѣлы, въ Москву на службу къ великому князю стали стекаться потомки удѣльныхъ князей и совсѣмъ „за-терли“ бояръ московскихъ. И вотъ не титулованные бояре составляютъ родословныя и выводятъ предковъ изъ иностранныхъ земель, чтобы этимъ возвысить свое происхожденіе. Отсюда слѣдуетъ, что къ показанію Шереметева и другихъ, нужно отнестись съ осторожностью. Если мы теперь отъ этихъ неточныхъ свѣдѣній обратимся къ лѣтописи, то узнаемъ, что въ Москвѣ въ XIV вѣкѣ жилъ бояринъ

Андрей Ивановичъ Кобыла, родоначальникъ Колычевыхъ, Шереметевыхъ и Захарьиныхъ, впоследствии Романовыхъ, а выходецъ онъ изъ Пруссіи, или нетитулованный бояринъ, опредѣлить трудно. Лѣтопись сообщаетъ, что въ 1347 году Андрей Ивановичъ ѣздилъ въ Тверь за невѣстой Московскому князю Симеону Гордому. Ѣхать за невѣстой князю могъ, конечно, только заслуженный бояринъ, стоявшій близко къ княжескому престолу. Слѣдовательно, первый предокъ Романовыхъ, извѣстный намъ, былъ близкимъ лицомъ Московскаго князя Симеона Ивановича Гордаго. Вотъ все, что извѣстно о родоначальникѣ нынѣ царствующей династіи.

О послѣдующихъ поколѣніяхъ сохранились болѣе подробныя свѣдѣнія. Сынъ Андрея Ивановича Кобылы Ѳеодоръ Андреевичъ Кошка извѣстенъ, какъ одинъ изъ выдающихся бояръ и совѣтниковъ Московскихъ князей Дмитрія Донскаго и Василия I. Ѳеодоръ Андреевичъ исполнялъ отвѣтственныя порученія князя Дмитрія: „вытягалъ у смолянъ Товъ и Медынь“; подписался подъ его послѣдней духовной, а въ дѣтскіе годы Донскаго оберегалъ престолъ великаго князя. При Василии I онъ ѣздилъ утверждать мирный договоръ съ Новгородомъ. О значеніи Кошки можно судить изъ словъ грамоты одного татарскаго мурзы, который отзывается о немъ съ похвалою. Изъ трехъ сыновей Кошки наибольшей извѣстностью пользовался Иванъ Ѳеодоровичъ Кошка. Онъ занималъ высокое положеніе при дворѣ Василия I—былъ совѣтникомъ и казначеемъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ же татарскій мурза. Иванъ Ѳеодоровичъ отличался огромной твердостью въ сношеніяхъ съ ордой. Можно думать, что князь подъ его вліяніемъ не посылалъ дани татарамъ. По значенію своему Иванъ Кошка стоялъ первымъ во всемъ государствѣ. О сыновьяхъ этой замѣчательной личности въ исторіи совсѣмъ почти не упоминается,

только интересенъ одинъ случай, который доказываетъ могущество и силу Захарія Ивановича Кошкина при дворѣ князя. Начало княженія Василия II ознаменовалось распрями бояръ, и вотъ у Кошкина разграбили часть имущества. Однажды на пиру гордый бояринъ видитъ свой драгоцѣнный поясъ на Василии Косомъ, галичскомъ князѣ, и, не долго думая, сдернулъ съ него этотъ поясъ. Конечно произошла ссора, но за Кошкина вступилась мать великаго князя, и онъ вышелъ побѣдителемъ. Этотъ эпизодъ свидѣтельствуешь о расположеніи князей къ боярамъ Кошкинымъ. Изъ сохранившихся до нашего времени документовъ видно, что Захарій Ивановичъ былъ крупнымъ Костромскимъ вотчинникомъ. Онъ владѣлъ селомъ Нерехтой (нынѣ уѣздный городъ), окрестными деревнями и варницами по рѣкѣ Солоницѣ.

Выше было сказано, что, когда начался наплывъ къ Московскому князю удѣльныхъ князей, Московскіе бояре отодвинулись на второй планъ, а „княжата“,—такъ звались пріѣзжіе князя,—„высокоумничали“, важничали. Этимъ были недовольны нетитулованные московскіе бояре. Вражда между ними нечасто обнаруживалась, но всегда существовала. Особенно она сказалась, когда потомки Кошкиныхъ породнились съ царемъ. При Иоаннѣ III „княжата затерли“ простыхъ бояръ настолько, что надо было имѣть много силы и твердости, чтобы выбиться. При этомъ князѣмъ подвизались Яковъ и Юрій Кошкины. Оба они часто упоминаются въ лѣтописи. Яковъ Захарьевичъ былъ сначала на мѣстникомъ въ Новгородѣ, онъ былъ тамъ какъ разъ въ то время, когда люди новгородскіе не забыли еще своей вольности и мечтали отложиться отъ Москвы. Яковъ Кошкинъ боролся съ этимъ желаніемъ: выслалъ много знатныхъ бояръ изъ Новгорода въ другія мѣста, за что противъ него

составился заговоръ, къ счастію, во время раскрытій. Кошкинъ былъ спасенъ. Послѣ Новгорода онъ управлялъ Костромой, а затѣмъ былъ назначенъ воеводой противъ Литвы. Успѣшно вторгся во вражескую землю и взялъ города Брянскъ и Путивль. Во второй разъ, старикомъ уже, онъ довелъ московскія войска до Вильны и отступилъ передъ превосходствомъ непріятельскихъ силъ. Это была послѣдняя служба Якова Кошкина. Помимо того онъ былъ однимъ изъ главныхъ членовъ Боярской Думы. Другой братъ его, родной дѣдъ Анастасіи Романовны, менѣе извѣстенъ, чѣмъ старшій. Юрій Захарьевичъ помогаль брату своему, когда тотъ былъ намѣстникомъ въ Новгородѣ, усмирять мятежниковъ и разслѣдовать ересь жидовствующихъ. Юрій Захарьевичъ прославился, какъ искусный полководецъ въ борьбѣ съ Литвой. Своими умѣлыми распоряженіями онъ сдѣлалъ то, что русская „ратъ“, одержавъ рядъ блистательныхъ побѣдъ надъ литовцами, осадила и послѣ упорной осады взяла г. Дорогобужъ. Послѣ этого пораженія Литва прислала подмогу своимъ. Иоаннъ III въ свою очередь выслалъ новое войско подъ предводительствомъ болѣе родовитаго боярина, чѣмъ Кошкинъ. Послѣдній принужденъ былъ удалиться на второй планъ. Онъ не хотѣлъ подчиниться этому униженію и хотѣлъ оставить службу, но Иоаннъ, умѣвшій цѣнить заслуги, сказалъ ему черезъ посла, что служить государю можно всюду. Бояринъ увидавъ правдивость этихъ словъ, остался и помогаль главному полководцу командовать „ратью“. Благодаря его распоряженіямъ русскіе одержали рядъ блестящихъ побѣдъ.

Изъ сыновей Юрія Захарьевича надо отмѣтить Михаила Юрьевича Захарьина-Кошкина и Романа Юрьевича. Первый изъ нихъ отличался на разныхъ поприщахъ, но особенно извѣстенъ, какъ царскій совѣтникъ и довѣренное

лицо Московскаго князя Василія III. Этотъ князь не любилъ знати за ихъ „важничанье“; онъ совѣтовался въ дѣлахъ или съ дьяками или съ умными боярами въ родѣ Захарьина-Кошкина. Передъ кончиной у Василія III на ногѣ появился случайный нарывъ. Онъ долго скрывалъ его отъ всѣхъ, но когда почувствовалъ себя очень плохо, то рѣшилъ устроить дѣла государства. Были созваны совѣтники, пользовавшіеся особенной любовью великаго князя. Въ числѣ ихъ находился и Михайлъ Юрьевичъ. Можно думать, что онъ пользовался виднымъ положеніемъ на этомъ совѣщаніи. При умирающемъ неотлучно находился М. Ю.; онъ присутствовалъ при прощаніи князя съ супругой, дѣтьми и при послѣднихъ распоряженіяхъ князя относительно того, „какъ безъ него царству строиться“. Передъ кончиной, потерявъ уже послѣднія силы, поддерживаемый Михаиломъ Юрьевичемъ, великій князь Василій III принялъ постриженіе. Бояринъ, не щадя послѣднихъ силъ, продолжалъ служить малюткѣ князю Ивану IV. Умеръ славный бояринъ въ 1538 г. Онъ приходился дядей царицѣ Анастасіи Романовнѣ, отецъ которой Романъ не отличался особыми достоинствами. О дѣтствѣ Анастасіи Романовны первой супруги царя Ивана Грознаго не сохранилось свѣдѣній; можно думать, что она была умной и красивой дѣвушкой. Достигнувъ 16 лѣтъ, Іоаннъ IV рѣшилъ жениться на русской боярышнѣ или княжнѣ. На предстоящій бракъ царь испросилъ благословеніе у московскаго митрополита.

За нѣсколько времени до его вѣнчанія на царство по Россіи разосланы были грамоты, въ которыхъ приказывалось привозить въ Москву красивѣйшихъ боярышень для выбора жены царю. До бояръ, жившихъ въ провинціи, уже дошли свѣдѣнія о крайней развращенности молодого Ивана, и потому они медлили посылать дочерей въ Москву, а въ

это время царь увидѣлъ Анастасію и выбралъ ее себѣ въ жены. Выбралъ онъ ее потому, вѣроятно, что она была изъ рода бояръ Захарьиныхъ-Юрьевыхъ, а послѣдніе не принимали участія въ распряхъ во время дѣтства Іоанна. Жизнь супруговъ послѣ свадьбы была самымъ счастливымъ временемъ жизни Грознаго. Въ это время совершились всѣ замѣчательныя событія царствованія Іоанна: взятіе Казани и Астрахани, изданіе Судебника и Стоглава и пр. Долго у царя не было дѣтей, стали уже поговаривать о бесплодіи царицы, какъ у нея родилась дочь, которая однако скоро умерла. Царь и царица, сильно опечаленные, отправились на богомолье по монастырямъ.

У царицы Анастасіи впослѣдствіи родилась одна дочь и три сына. Дочь умерла, а старшій сынъ Дмитрій нечаянно утонулъ. Остались два сына царевичи Ѳеодоръ и Иванъ. Въ жизни Грознаго все шло хорошо до 1553 года, когда Іоаннъ заболѣлъ и чуть не умеръ. Бояре отказались присягнуть его наслѣднику Дмитрію Ивановичу, такъ какъ всѣ ждали смерти Іоанна и на престолѣ хотѣли посадить его двоюроднаго брата князя Владимира Андреевича. Большой царь много выстрадалъ нравственно за это время. Бояре все таки присягнули Дмитрію. Противъ ожиданія Грозный выздоровѣлъ. Въ немъ теперь кипѣлъ гнѣвъ на бояръ и „княжатъ“, но онъ поборолъ его подъ влияніемъ кроткой супруги. Много разъ въ продолженіе своей короткой жизни Анастасія Романовна смягчала грозный характеръ мужа. Пока она была жива, не было казней и опалъ. За это она и пользовалась неограниченной любовью народа, но не долюбивали ее бояре—„княжата“. Они видѣли въ ней особу болѣе низкаго происхожденія, чѣмъ они. Когда не стало Анастасіи, начались ужасы царствованія Іоанна Грознаго: казни, пытки, опричина. Эти казни и пытки еще

больше возвышаютъ образъ „милостивой Анастасіи“—этого добраго генія Грознаго.

Изъ братьевъ Анастасіи слѣдуетъ отмѣтить Никиту Романовича Юрьева. Еще будучи юношей, онъ попалъ во дворецъ, гдѣ понравился Іоанну IV. Грозный приблизилъ его къ себѣ и давалъ ему въ продолженіе своей жизни много отвѣтственныхъ порученій. За успѣшное исполненіе ихъ царь награждалъ своего друга. Одной изъ главныхъ заслугъ боярина Юрьева является та, что онъ сумѣлъ среди звѣрствъ и оргій Грознаго остаться чистымъ и не запятнать свою совѣсть ни однимъ сквернымъ поступкомъ. И любилъ за это его русскій народъ и охарактеризовалъ самыми симпатичными чертами. Въ одной изъ пѣсенъ расказывается, что Іоаннъ Васильевичъ расхвастался на пиру тѣмъ, что вывелъ измѣну на Руси. Царевичъ Иванъ говоритъ ему, что онъ ошибается, т. к. главная измѣна кроется въ братѣ его Θεодорѣ Ивановичѣ. Разгнѣванный царь приказываетъ Малютѣ умертвить царевича Θεодора. Тотъ съ радостью беретъ исполнить это приказаніе и скачетъ съ нимъ на „Поганую лужу“, но по дорогѣ царевича освобождаетъ „старый“ Никита Романовичъ. Онъ возвращаетъ сына уже раскаявшемуся отцу. За это царь награждаетъ его селами и вотчинами, но царскій шурина отказывается отъ всего, онъ проситъ только того, чтобы „во Микишину вотчину“ могли укрываться отъ преслѣдованія преступники. Изъ этой народной пѣсни видно, какія симпатіи питалъ народъ къ Н. Р. Юрьеву. Любовь народа и царя онъ заслужилъ не только добротой и милосердіемъ, но и своими мудрыми распоряженіями. Онъ долгое время завѣдывалъ обороной юга. Дѣло въ томъ, что южная Россія разорялась крымскими татарами и литовцами. Чтобы оградить югъ отечества отъ опустошенія, было выстроено много крѣпостей—городовъ

въ нѣсколько рядовъ, важнѣйшимъ былъ Бѣлгородъ. Между городами строили валы на открытыхъ мѣстахъ и дѣлали въ лѣсахъ застѣки. По линіи новой границы ставили наблюдательные отряды и разъѣзжали „станицы“—разъѣзды. „Станицы“ давали знать городамъ о приближеніи непріятеля. Послѣдніе укрѣплялись, готовились къ оборонѣ и задерживали непріятеля, не давая ему проникнуть внутрь страны. Н. Р. и завѣдывалъ всею этою обороною. Своимъ вліяніемъ онъ добился того, что новые города строились въ глубинѣ степей и такимъ образомъ увеличивали территорію Московскаго государства. Въ войскѣ обороны служили вольные люди „казаки“ и мѣстные поселенцы, но благодаря тактѣ боярина Никиты и среди нихъ поддерживалась дисциплина. Московскій царь наградилъ Юрьева большими помѣстьями въ Костромскомъ краѣ, особенно на рѣкѣ Унжѣ и „златомъ и серебромъ“, такъ что онъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ людей своего времени. Послѣ смерти Грознаго надъ слабымъ Ѳеодоромъ была учреждена опека изъ нѣсколькихъ бояръ. Главнымъ изъ опекуновъ былъ бояринъ Юрьевъ. Безспорно, на распоряженіяхъ первыхъ лѣтъ царствованія Ѳеодора лежитъ печать опытности и дѣловитости Никиты Романовича. Онъ былъ женатъ два раза. Отъ перваго брака былъ одинъ сынъ Ѳеодоръ Никитичъ, а отъ втораго у него было шесть сыновей и шесть дочерей. Никита Романовичъ, у котораго предки не были родовиты, не былъ любимъ „княжатами“ и, естественно, искалъ себѣ поддержки для борьбы съ ними въ чловѣкѣ, находящемся, какъ и онъ, въ такожъ же положеніи.—Борисъ Годуновъ, Во время предсмертной болѣзни царскаго дяди въ 1585 году Годуновъ поднялся на недосыгаемую высоту, но, несмотря на это, остался въ дружбѣ съ „Никитичами“, такъ звались дѣти Никиты Романовича. Пока они были въ мирѣ съ Бо-

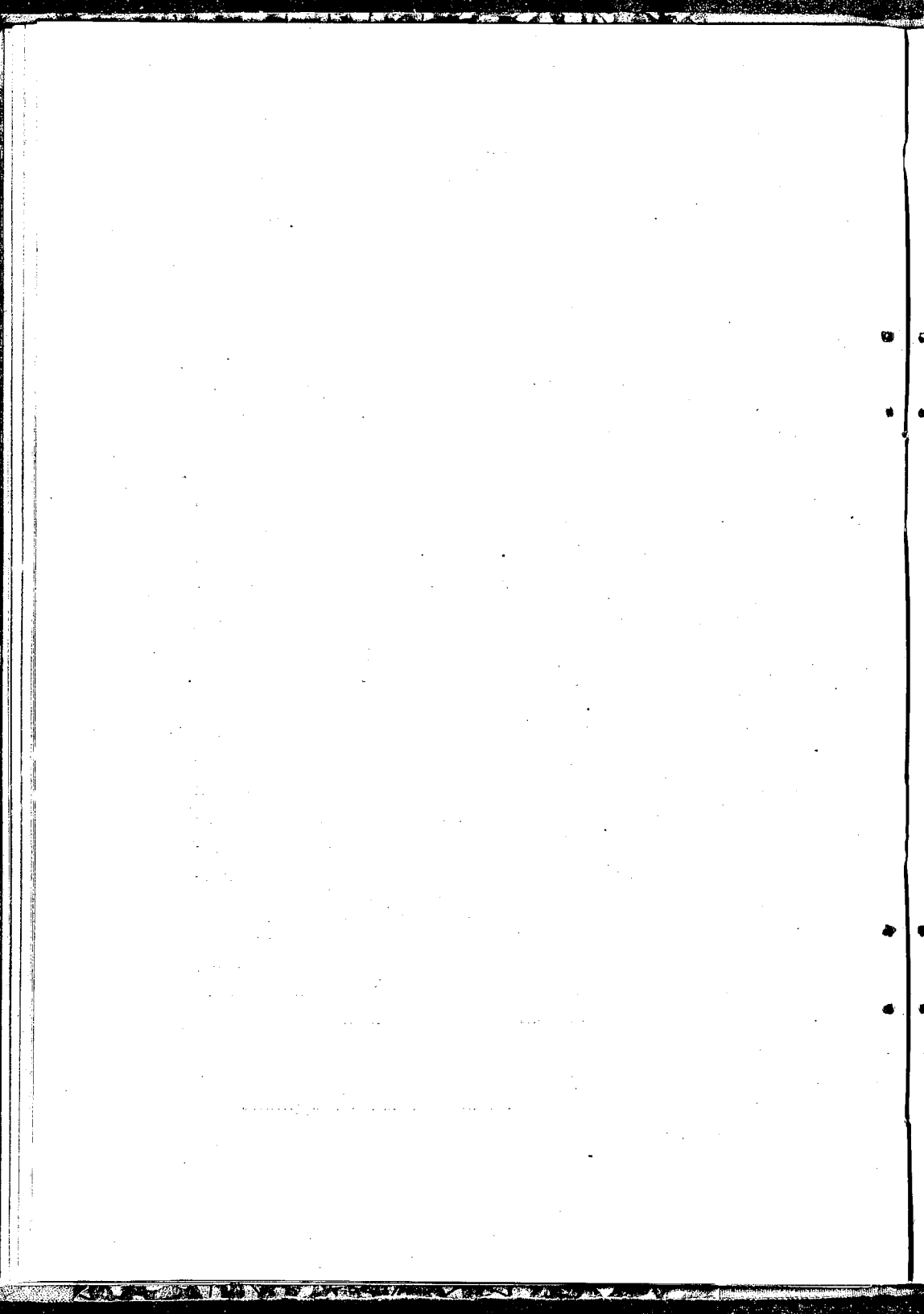
рисомъ, главой ихъ былъ Θεодоръ Никитичъ, старшій изъ братьевъ, отецъ перваго царя династіи Романовыхъ. Эти мирныя отношенія съ теченіемъ времени измѣнились. Царь Θεодоръ Іоанновичъ умеръ, его супруга Ирина отказалась отъ престола, и земскому собору предстояло избрать преемника угасшей династіи Рюрика. Среди нѣсколькихъ кандидатовъ чаще повторялись имена Годунова и Θεодора Романава. На выборахъ взяла верхъ партія Годунова, и послѣ воцаренія Бориса его приверженцы старались укрѣпить престолъ за новой династіей. Для этого нужно было уничтожить всѣхъ родственниковъ угасшаго царскаго рода. И Романовы, какъ родственники, были сосланы: Θεодоръ постриженъ подѣ именемъ Филарета въ Антоніево-Сійскомъ монастырѣ, его жена Ксенія Ивановна, дочь Костромскаго помѣщика Шестова,— подѣ именемъ Марѣы, въ одномъ изъ Заонежскихъ монастырей, Александръ былъ сосланъ въ Усолье, Михаилъ въ Пермскій край, Василій въ Яранскъ и Иванъ въ Пелымъ. Придрались къ какимъ-то мѣшкамъ съ кореньями и изъ-за нихъ разгромили семью. Александръ и Михаилъ Никитичи погибли, не перенеся тяжести ссылки. Василій и Иванъ подверглись ужаснымъ мученіямъ: ихъ заковали въ тяжелые кандалы, плохо кормили и грубо обращались съ ними. Когда черезъ нѣсколько времени вышелъ приказъ Василя перевезти къ брату Ивану въ Пелымъ, оказалось что онъ былъ настолько измученъ и изнуренъ, что умеръ спустя нѣсколько недѣль послѣ пріѣзда на новое мѣсто. Съ теченіемъ времени Иванъ Никитичъ былъ поселенъ въ 80 верстахъ отъ Москвы подѣ стражей, а при Лжедмитріи былъ освобожденъ. Въ числѣ бояръ, вошедшихъ въ составъ правительства „семибоярщина“, былъ и Иванъ Никитичъ.

Какъ Михаилъ Никитичъ, такъ и Иванъ Никитичъ, были Костромскими вотчинниками. Первый изъ нихъ владѣлъ селеньями и пустошами въ „Нерехотской волости“ Костромского уѣзда. Второй изъ нихъ владѣлъ всѣмъ правымъ берегомъ р. Унжи отъ города Унжи до нынѣшняго г. Кологрива. Въ этомъ огромномъ владѣннИ Ивана Никитича можно насчитать свыше 3500 душъ обоого пола, при чемъ пустыхъ дворовъ въ имѣннИ было очень мало. Это говоритъ намъ за то, что въ вотчинѣ Ивана Никитича крестьянамъ жилось хорошо.

Филаретъ Никитичъ страдалъ, постриженный въ глухомъ монастырѣ, разлученный съ женой и сыномъ, лишенный семейныхъ радостей и блестящаго положеннИ. Филарета тянуло въ мнртъ, но его насильно сдѣлали монахомъ. Съ нимъ въ келнИ жилъ слуга и дѣлилъ радость и горе; они вспоминали лучшнИ времена. Это не правилось стражамъ, и друзья—господинъ и холопъ — были раздѣлены. Черезъ нѣсколько времени Филарету оказали облегченнИ: позволили стоять на клиросѣ, но съ условнИемъ ни съ кѣмъ не разговаривать. По воцареннИ самозванца несчастный страдалецъ дѣлается сразу митрополитомъ Ростовскимъ и Ярославскимъ. Когда обнаружилось, что сидѣвшнИ на московскомъ престолѣ названный царь ДимитрнИ, есть самозванецъ, Филаретъ, какъ истиннолюбящнИ родину, сдѣлался однимъ изъ сторонниковъ сверженнИ ЛжедимитрнИ. При воцареннИ ВасилнИ Шуйскаго Филарета ожидала каеэдра патрнИарха, но изъ-за боязни ШуйскнИ оставилъ его митрополитомъ на прежнемъ мѣстѣ. Когда въ Тушинѣ засѣлъ второй самозванецъ, то шайки его окружили Ростовъ. Филаретъ показалъ необыкновенный примѣръ пастырской твердости: онъ не только не покинулъ своей паствы, но даже пробовалъ увѣщевать мятежниковъ быть вѣрными ВасилнИю Шуйскому. Взятый въ плѣнъ въ

Тушино, онъ держалъ себя тамъ съ большимъ достоинствомъ. Возвратившись въ Москву, онъ былъ однимъ изъ сторонниковъ сверженія Шуйскаго и призванія польскаго королевича Владислава въ Московскіе цари. Во главѣ посольства, отправленнаго отстаивать условія призванія Владислава, стоялъ онъ и кн. Голицынъ. Они такъ раздражили поляковъ стойкостью въ православной вѣрѣ и любви къ родинѣ, что были отправлены въ Польшу плѣнниками. Послѣ 8 лѣтъ плѣна Филаретъ вернулся въ Россію и сдѣлался Московскимъ патріархомъ и главнымъ совѣтникомъ руководителемъ своего сына царя Михаила Феодоровича Романова. Безъ него не совершалось ни одно дѣло. Многимъ обязана Россія ему. И какъ патріархъ, и какъ руководитель сына, онъ является въ нашихъ глазахъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о матери Михаила Феодоровича Романова старицѣ Марѣ Ивановнѣ, какъ Костромской вотчинницѣ. Ей принадлежала на луговой половинѣ Костромскаго уѣзда старинная вотчина съ селомъ Домнинымъ, сельцомъ Хрипѣли, 32 деревнями и 15 починками. У инокини Марѣы Ивановны были земельныя владѣнія въ Андомскомъ стану Костромскаго уѣзда и въ пяти волостяхъ Галическаго уѣзда. Въ ея вотчинахъ крестьянамъ жилось не худо: мы не видимъ въ Домнинской вотчинѣ пустыхъ крестьянскихъ дворовъ, наоборотъ, въ ея вотчины шли крестьяне изъ другихъ мѣстъ.

Вотъ каковы предки нынѣ царствующей династіи Дома Романовыхъ. Они заслужили любовь народа. И, конечно, Романовымъ принадлежало историческое право наследовать той династіи, которой они вѣрно служили и съ которой близко породнились.

Какъ отразилось смутное время въ Костромской губерніи?

Ровно 300 лѣтъ исполнилось съ момента окончанія смуты въ московскомъ государствѣ. Рушились въ то время старыя порядки и обычаи, рушились прежніе устои и завѣты отцовъ. Что прежде казалось чуть ли не святымъ, теперь безцеремонно пошралось. И давно прошло это страшное и загадочное время, давно невозвратно кануло оно въ вѣчность, а мы все еще вспоминаемъ его, все еще погружаемся въ прежнюю жизнь, стараясь ее разгадать, снова восстанавливаемъ прежніе исполинскіе и давно уже истлѣвшіе образы великихъ мужей и снова стараемся удержать въ нашей памяти

„Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданія старины глубокой“.

Вспомнимъ и мы это время и коснемся преимущественно тѣхъ событій, которыя разыгрались на всемъ пространствѣ родной для насъ Костромской губерніи.

Въ февраль 1598 года на престолъ московскихъ государей вступилъ шурина покойнаго царя, Борисъ Феодоровичъ Годуновъ. Новый царь старался цѣлымъ рядомъ полезныхъ мѣръ привлечь къ себѣ простой народъ, но это царю Борису не удавалось: ему народъ почему-то не доверялъ. Къ довершенію всего распространился ужасный слухъ: говорили, что убить былъ въ Угличѣ совсѣмъ не сынъ царя Грознаго, а такой-то очень похожій на него мальчикъ; а настоящій сынъ царя живъ и здоровъ и ужъ идетъ на Москву, чтобы, свергнувъ Годунова, самому править госу-

дарствомъ. Этотъ слухъ былъ роковымъ для многихъ знатныхъ боярскихъ семействъ: однихъ бояръ сослали, другихъ насильно заточили въ монастырь. Броженіе во всемъ московскомъ государствѣ усилилось еще болѣе, когда Россію постигъ сильный голодь. Въ это время тотъ человѣкъ, который назвался Дмитріемъ, подвигался къ Москвѣ. Его побѣдоносное шествіе не могли остановить ни завѣренія царя и патріарха Іова, ни побѣды доблестнаго и умнаго воеводы Васманова. Смерть царя Бориса позволила названному царю сѣсть на тотъ московскій престолъ, который, какъ онъ увѣрялъ, занимали его предки.

Тотчасъ были возвращены боярскія семьи, возвратились Бѣльскіе, Нагіе, Романовы. Эту семью особенно старался привлечь къ себѣ молодой царь; Ксенія Ивановна—жена постриженнаго Ѳеодора Никитича Романова была вывезена изъ Толвуйскаго заточенія, а сынъ ея Михайлъ изъ Бѣлоозера; мать соединили съ сыномъ; имъ возвратили всѣ вотчины, отнятыя Борисомъ Годуновымъ, и они уѣхали въ предѣлы Костромской губерніи, гдѣ были ихъ вотчины. Какъ быстро привлекъ юный царь къ себѣ симпатіи всѣхъ, такъ быстро онъ ихъ и потерялъ. Уже громко начинали поговаривать, что на престолѣ сидитъ не сынъ Іоанна IV, а бѣглый монахъ Григорій Отрепьевъ.

Одно очень любопытное извѣстіе передаетъ, что въ Галичѣ Костромской губерніи Отрепьевы, мать и дядя, объявили всегласно о дѣйствительномъ происхожденіи царя; дядю сослали въ Сибирь, матери же не тронули. Можетъ быть, подъ влияніемъ этого начали приходить изъ Галича извѣстія, совершенно нежелательныя для сторонниковъ молодого царя. Вскорѣ москвичи, раздраженные безчинствами поляковъ, пріѣхавшихъ съ Мариною Мнишекъ, подъ предводительствомъ Шуйскаго свергли Лжедмитрія, и царемъ былъ сдѣланъ Василій Ивановичъ Шуйскій. Эти событія происходили 17-го и 19-го мая 1606 года.

Боясь оставить поляковъ въ столицѣ, новый царь распредѣлилъ ихъ по отдаленнымъ мѣстамъ; такъ много поляковъ съ Вишневецкимъ были отправлены въ Кострому. Но нарушенное спокойствіе не могло возстановиться въ странѣ. Кн. Шаховской вмѣстѣ съ Болотниковымъ собрали ополченіе и двинулись къ Москвѣ, но ихъ постигла неудача, такъ какъ присоединившіеся къ нимъ воеводы Сумбуловъ и Проконій Лянуновъ перешли на сторону Шуйскаго.

Въ это время появился новый претендентъ на московскій престолъ; онъ также выдавалъ себя за Дмитрія, будто бы спасагося вторично. На призывъ самозванца пришли поляки съ Лисовскимъ, Сапѣгой и Рожинскимъ во главѣ, казаки Заруцкаго и всѣ недовольные московскимъ олигархическимъ правительствомъ. Потерпѣвъ пораженіе отъ царскихъ войскъ, самозванецъ остановился въ с. Тушинѣ, а Янъ Сапѣга и Лисовскій, обложивъ Троицкій монастырь, начали подчинять самозванцу поволжскій край.

Сдался Угличъ, за нимъ послѣдовалъ Ростовъ. Взятіе Ярославля сильно подѣйствовало на соседніе города по Волгѣ. Добровольно покорилась Кострома; игумены костромскихъ монастырей. Ипатьевского и Богоявленскаго, съ мѣстными боярами, дворянами и посадскими людьми, поѣхали съ повинной къ царю, а вслѣдъ затѣмъ посланный самозванцемъ кн. Львовъ привелъ къ присягѣ жителей Костромы; воеводой въ г. Костромѣ былъ поставленъ кн. Масальскій-Горбатый. За Костромой сдались Галичъ, Кинешма и многіе другіе города. Только очень немногіе сохранили полную вѣрность Москвѣ; то были Нижній-Новгородъ, Смоленскъ, Рязань, Коломна и нѣкоторые другіе.

На первыхъ порахъ поволжскіе города охотно подчинялись волѣ Тушинскаго самозванца, такъ какъ города сильно недолюбливали московскаго царя, ставленника бояръ.

Но скоро жители городов увидали, что войско тушинскаго вора совершаетъ надъ ними насиліе, грабитъ ихъ добро и совершенно разоряетъ ихъ. Отношенія между городами и самозванцемъ становились все болѣе и болѣе натянутыми и, наконецъ, окончились вооруженнымъ столкновениемъ. Разоренные крестьяне, мстя за своихъ поруганныхъ женъ и дочерей, выбирали себѣ предводителей и звѣрски расправлялись съ тушинцами.

Одно за другимъ поднимались возстанія подъ предводительствомъ крестьянъ. Такъ, на примѣръ, въ Юрьевѣ Польскомъ поднялись подъ начальствомъ Θεодора Краснаго; въ Решмѣ предводителемъ возстанія былъ крестьянинъ Григорій Лапша. Соединившись вмѣстѣ, инсургенты грянули на Лухъ и разбили литовцевъ, собиравшихъ для самозванца припасы.

Скоро возстаніе охватило весь поволжскій районъ. Починъ дѣйствій взяли на себя костромичи и галичане. Прибытіе литовскихъ людей и казаковъ, а также присылка царской грамоты, гдѣ говорилось, что Скопинъ-Шуйскій ведетъ шведовъ, послужили причиной того, что первымъ отъ самозванца отпалъ Галичъ. Въ Галичѣ дворяне и боярскіе люди не сочувствовали предпріятію крестьянъ и поѣхали съ повинною въ Тушино, въ то время какъ остальные отправили гонцовъ по всему уѣзду звать людей всѣхъ званій на всенародную сходку; на сходкѣ служилые, посадскіе люди и крестьяне черныхъ волостей цѣловали крестъ за Москву и рѣшили или побѣдить, или же всѣмъ умереть за православную вѣру.

Они принудили собрать по сто человекъ съ сохи, изъ которыхъ одна половина должна была быть пѣшая, а другая конная, и кромѣ того снесли съ луговой и горной черемисой, готовой воевать за кого угодно, и склонили ее

на свою сторону, луговая черемиса прислала Галичу пять тысячъ человекъ. Послѣ этого Галичъ приглашалъ повсюду жителей составлять ополченія итти на сходъ къ Галичу; галичане приглашали приходять къ нимъ съ „землемъ и снарядомъ“. За Галичемъ поднялся Солигаличъ, который прислалъ въ Галичъ свое ополченіе; изъ Солигалича послали вѣстовщиковъ въ разные города.

Въ первой половинѣ декабря въ Костромѣ взволновались посадскіе люди, напали на своего воеводу—князя Дмитрія Масальскаго, и на бывшихъ съ нимъ литовцевъ, перевязали ихъ, посадили въ тюрьму, а сами, собравшись всѣмъ посадомъ съ боярами и дворянами вмѣстѣ, цѣловали крестъ царю Василию Ивановичу. Масальскаго рѣшили казнить; подъ пытку онъ наговорилъ костромичамъ, что тотъ, кто называетъ себя сыномъ царя Грознаго, поповскій сынъ, Митька съ Арбата отъ Знаменья, но это признанье не спасло воеводу: послѣ страшныхъ и мучительныхъ пытокъ ему отрубили руки и ноги и бросили въ воду. Скоро отложился отъ „вора“ (такъ называлъ тушинскаго самозванца народъ) почти весь Костромской уѣздъ; вскорѣ стали присягать московскому царю и другіе города. Собрались многочисленные отряды, которые, переправившись черезъ Волгу, пришли въ Галичъ, а потомъ въ Кострому.

Какъ только вѣсть о возстаніи городовъ достигла Сапѣги, все еще стоявшаго подъ Троицей, тотчасъ былъ посланъ отрядъ подъ начальствомъ Лисовскаго къ Ярославлю. Ополченіе галическаго и галичскихъ пригородовъ двинулось на встрѣчу Лисовскому, но, не доходя двухъ верстъ до Ярославля, костромскія и галичскія боярскія дѣти испугались, предалися Лисовскому и начали побуждать галичскій отрядъ перейти на сторону тушинцевъ, а посошные люди Солигалича, Галича и галичскихъ пригородовъ бѣжали назадъ.

Лисовскій, усилившись благодаря измѣнѣ, погнался за бѣглецами до Костромы.

Здѣсь бѣгущіе, подкрѣпленные новыми костромскими силами, дали Лисовскому бой, но костромскія боярскія дѣти, выпешдшія было въ поле, измѣнили, подобно своимъ товарищамъ подъ Ярославлемъ, и потому крестьяне побѣжали вновь. 29-го декабря 1608 года Кострома была вынуждена капитулировать. Тотчасъ боярскія дѣти присягнули тушинскому „вору“, не желая больше служить московскому царю. За Костромою былъ взятъ Галичъ; посадъ былъ сожженъ, а жители разбѣжались по лѣсамъ; они бѣжали къ сѣверу и строили засѣки въ лѣсахъ.

Изъ Галича Лисовскій послалъ Пудковского въ Солигаличъ, чтобы наложить на жителей его откупъ въ 250 рублей и подчинить тушинскому самозванцу. Въ Солигаличѣ острога около посада советѣмъ не было, а въ городѣ стѣны сгнили; къ тому же не доставало ни „наряда“, ни пороха, и защищаться поэтому было совершенно невозможно. Одни изъ жителей Солигалича убѣжали въ лѣса, другіе, получивъ предложеніе откупиться, должны были, по выраженію ихъ самихъ, „собрать деньги, въ откупъ дать, чтобы изъ Галича воры къ нимъ не приходили войною и домовъ ихъ не разоряли и не пожгли, и женъ и дѣтей не поругали“. Подчинивъ возставшіе города самозванцу, Лисовскій успокоился и рѣшилъ возвратиться въ Тушино; но онъ еще не дошелъ до него, какъ еще болѣе сильное возстаніе охватило весь средне-поволжскій край.

Въ первыхъ числахъ марта 1609 года, тотчасъ послѣ ухода Лисовскаго, присмирѣвшіе было костромичи, узнавъ, что къ нимъ идетъ на помощь вологодское ополченіе, поднялись и начали метить боярскимъ дѣтямъ, два раза измѣнившимъ общему дѣлу; до двухъ сотъ человѣкъ замучила костромская чернь.

Возставшіе костромичи напали на отрядъ, оставленный Лисовскимъ подъ предводительствомъ Никиты Вельяминова, и послѣ кровопролитнаго боя на улицахъ г. Костромы заставили его удалиться въ Ипатьевскій монастырь. Снова, какъ и въ первый разъ, по примѣру Костромы возстали Галичъ и Солигаличъ. Рѣшили собрать по 20-ти человекъ съ сохи и отправить въ Вологду, которая служила сборнымъ пунктомъ.

Галичане отправили гонцовъ къ сѣвернымъ городамъ, умоляя прислать ополченіе, но, отдѣляясь только обѣщаніями, сѣверные города войска не присылали, такъ что ополченіе, собравшееся въ Галичѣ, было очень не велико. Одна часть ополченцевъ была на лошадяхъ, а другая на лыжахъ; надежныхъ предводителей не было; ополченіе раздѣлялось на десятки и состояло подъ начальствомъ выбранныхъ головъ и совершенно было неспособно къ битвѣ съ мало-мальски опытнымъ настоящимъ войскомъ.

Дѣтей боярскихъ рѣшили для большей безопасности посадить въ тюрьму, и имъ, какъ они ни старались увѣрить предводителей ополченія, что они ужъ теперь будутъ вѣрить общему дѣлу, не вѣрили, и приговоръ былъ надъ ними приведенъ въ исполненіе.

Между тѣмъ ратные люди, ушедшіе съ воеводой Вельяминовымъ въ Ипатьевскій монастырь, должны были выдерживать трудную пятимѣсячную осаду отъ ополченія. Положеніе осажденныхъ ухудшилось еще болѣе въ іюнь 1609 года, когда прибыли „ратные люди съ огненнымъ боемъ“ изъ Ярославля на 17 судахъ и присоединились къ ополченію. Еще значительно раньше этого предводителемъ ополченія былъ избранъ въ апрѣлѣ царскій воевода Давидъ Жеребцовъ, который, окруживъ въ маѣ мѣсяцѣ монастырь съ трехъ сторонъ глубокимъ ровомъ и надолбами, день и ночь велъ

ожесточенный бой съ тушинцами, дѣлавшими отчаянныя вылазки изъ монастыря.

За Костромой поднялся Ярославль.

Лисовскій, услыхавъ объ этомъ, двинулся противъ Ярославля; плохо пришлось Ярославцамъ, но къ ихъ счастью къ тушинцамъ пришли посланные отъ Вельяминова просить у нихъ помощи, и Лисовскій, простоявъ до 22-го мая, отошелъ къ Костромѣ. Но и полторатысячный отрядъ Лисовскаго не могъ ничего помочь осажденнымъ, такъ какъ, подойдя къ Костромѣ нагорною стороною изъ Юрьевца, Лисовскій не могъ добыть лодокъ для переплытія Волги и, тѣснимый Жеребцовымъ и разбитый понизовой ратью, когда переправлялся черезъ рѣку, былъ вынужденъ удалиться по направленію къ Троице-Сергіевской лаврѣ. Не получая такимъ образомъ помощи, Вельяминовъ не могъ уже долѣ держаться въ монастырѣ; въ іюлѣ мѣсяцѣ подъ натискомъ Жеребцова тушинцы оставили монастырь; они отступили къ Святому озеру, недалеко находящемуся отъ монастыря и, преслѣдуемые войсками Жеребцова, были разсѣяны, при чемъ многіе потонули въ озерѣ. Вельяминова же, какъ передаютъ, убили камнями.

Цѣль ополченія была вполне достигнута: Лисовскій вынужденъ былъ очистить весь заволжскій край; но очищеніе это совершилось только съ большимъ трудомъ, какъ это и видно изъ многочисленныхъ грамотъ; жители уѣздовъ костромскаго и галическаго, напрягая свои послѣднія силы, требовали того же напряженія, тѣхъ же жертвъ и усилій и отъ другихъ сосѣднихъ уѣздовъ. Движеніе, охватившее все заволжье, представляетъ изъ себя весьма сложное явленіе. Это движеніе, охватившее пространство, по большей части населенное тяглыми людьми, стало простонароднымъ или „мужицкимъ“ какъ презрительно называли это движеніе

тушинцы. Тяглое сословіе было единодушно и дѣйствовало вполне согласованно подъ вліяніемъ одной и той же организации городовъ и торговли, которую они вели между собой; общее отвращеніе къ врагу и помощь царя Василя Ивановича еще больше содѣйствовали ихъ объединенію. Служилое сословіе, очень немногочисленное, не играло никакой роли въ этомъ движеніи; оно даже ему не сочувствовало, такъ какъ не имѣло съ этимъ „мужицкимъ движеніемъ“ внутренней связи. Вотъ почему мы такъ часто видимъ въ столкновеніи заволжскихъ городовъ съ тушинцами двѣ партіи. Служилое сословіе два раза открыто доказывало свое презрительное отношеніе къ возстанію, измѣняло общему дѣлу, такъ что возставшіе принуждены были засадить боярскихъ дѣтей въ тюрьму.

Еще одна сторона этого движенія можетъ привлечь къ себѣ наше вниманіе. Возставшіе, не прибѣгая къ посторонней помощи, восторжествовали надъ врагомъ. Московскій царь, не присылая помощи, ограничивался только одобрительными грамотами, гдѣ расточалъ похвалы по адресу костромичей, галичанъ, вятчанъ и другихъ, поднявшихъ противъ „вора“ оружіе. Этимъ и исчерпывается вся помощь. Шуйскій даже не прислалъ для ополченія умныхъ и опытныхъ воеводъ.

Другое народное движеніе противъ тушинцевъ носило нѣсколько иной характеръ. Оно происходило на Клязьмѣ между берегами Волги и Оки. Богатыя села по рѣкамъ Тезѣ и Луху, а также волжскія пристани, какъ Балахна, Городецъ, Юрьеvecъ, Решма и Кинешма, бывшія народно-хозяйственными центрами и сильно терпѣвшія отъ тушинцевъ, встали во главѣ движенія противъ тушинскаго царька.

Къ концу 1608 года возстаніе охватило весь клязьминскій край. Дворцовые, боярскіе и монастырскіе крестьяне

начали собираться въ своихъ волостныхъ центрахъ и, выбравъ себѣ предводителей, начинали противъ тушинцевъ враждебныя дѣйствія. Крестьяне Юрьевца, Решмы, Городца, Балахны и Холуя, соединившись въ Лухѣ, отправились въ Шую, гдѣ нашли тушинскаго воеводу Ѳедора Плещеева; послѣдній разбилъ ополченіе и въ ноябрѣ 1608 года взялъ острогъ г. Шуи. Такимъ образомъ начало возстанія окончилось полной неудачей.

Но вскорѣ эти разбитыя толпы снова объединились подъ вліяніемъ тѣхъ нѣсколькихъ побѣдъ, которыя одержало нижегородское ополченіе подъ начальствомъ Ѳ. Воборыкина. 11-го февраля 1609 г. послѣдній разбилъ въ селѣ Даниловѣ Плещеева, но вскорѣ (черезъ недѣлю) самъ потерпѣлъ отъ него полное пораженіе, послѣ чего Плещеевъ взялъ г. Плесъ. Но клязьминскаго края Плещееву такъ и не удалось покорить, хотя на помощь ему Сапѣга прислалъ изъ своего войска отрядъ. Даже, напротивъ, возстаніе подъ предводительствомъ Шереметева принимало все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Скоро Шереметевъ, собравъ значительное войско изъ Юрьевца, Кинешмы и многихъ другихъ городовъ, соединился съ войсками Скопина въ Александровской слободѣ.

Движеніе это, какъ уже сказано нѣсколько выше, отличалось отъ средне-поволжскаго движенія. Въ то время какъ такіе города, какъ Кострома и Галичъ, были отняты отъ самозванца исключительно „мужицкой“ властью, на Клязьмѣ у этихъ мужиковъ не только не хватало силы брать города, но даже и отсиживаться отъ вражескихъ натисковъ. Вотъ почему Шереметевъ такъ ждалъ соединенія своихъ войскъ съ войсками Скопина-Шуйскаго. Соединеніе это скоро произошло и сыграло въ этомъ движеніи видную роль: тушинцы должны были эвакуировать край. Оба эти

описанныя движенія обнаруживаютъ передъ нами враждебное отношеніе городовъ къ полякамъ, литовцамъ, казакамъ, такъ дерзко нарушившимъ мирное теченіе жизни московскаго государства. Народному ополченію сѣверныхъ городовъ Костромы, Галича, Солигалича и др., а также ополченію Клязьминскаго края—явилась неожиданная и въ свою очередь опасная помощь. Въ русскіе предѣлы вступили войска польскаго короля Сигизмунда. Это вступленіе положило конецъ двумъ правительствамъ: олигархическо-боярскому въ Москвѣ и русско-польскому въ с. Тушинѣ. Скоро Скопинь-Шуйскій разсѣялъ орды тушинцевъ, одна часть ихъ ушла къ польскому королю, а другая пошла къ Калугѣ за самозванцемъ. Въ 1610 году царь Шуйскій, не находившій уже болѣе себѣ опоры ни у простого народа, ни у бояръ, былъ свергнутъ съ престола, и въ московскомъ государствѣ воцарилось полное безначаліе.

Новое правительство, составленное изъ бояръ, присягнуло отъ имени всей Россіи польскому королевичу Владиславу и отправило посольство къ Сигизмунду, осаждавшему Смоленскъ. Въ это время на сценѣ появляется самый ярый противникъ польскаго короля, патріархъ Гермогенъ, и къ его голосу начинаетъ прислушиваться вся Россія. Подъ вліяніемъ патріаршихъ грамотъ поволжскіе города начали вооружаться и посылать ополченія къ Москвѣ. Этыхъ ополченій боялись поляки. Такъ Сапѣга, напримѣръ, писалъ въ Кострому, уговаривая жителей ея признать королевича Владислава. „Теперь вы государю измѣнили, писалъ костромичамъ Сапѣга, и невѣдомо для чего, и хотите на Московское государство невѣдомо кого. Знаете вы сами польскихъ и литовскихъ людей мощь и силу: кому съ ними биться“. Но увѣщанія Сапѣги остались безъ послѣдствій. Вслѣдъ за рязанскимъ ополченіемъ подъ начальствомъ Прокошія Ляпу-

нова двинулись ополченія изъ разныхъ мѣстъ; изъ Галича, напимѣрь, подъ предводительствомъ П. И. Мансурова, изъ Костромы подъ предводительствомъ кн. Ѡ. И. Волконскаго.

1-го апрѣля 1611 года ополченіе подошло къ стѣнамъ Москвы. Каждый начальникъ сталъ у различныхъ воротъ. Такъ Ляпуновъ у Яузскихъ воротъ, ярославскій воевода Волынскій и предводитель костромичей Волконскій расположились у Покровскихъ воротъ. Вскорѣ все ополченіе пришло въ полную дезорганизацію, такъ какъ Ляпуновъ, опиравшійся на многочисленные города, среди которыхъ находились Кострома и Галичъ, и рѣзко осуждавшій казаковъ, разорявшихъ населеніе, былъ убитъ. Но отъ этого обстоятельства возбужденіе отнюдь не пропало, напротивъ оно вскорѣ обнаружилось еще съ большею силою и прежде всего въ Нижнемъ-Новгородѣ. Князь Пожарскій, поставленный во главѣ нижегородскаго ополченія, отправилъ нѣсколько грамотъ по городамъ. Эти событія происходили на рубежѣ 1611 и 1612 годовъ.

Въ концѣ января отъ московскихъ бояръ пришли грамоты въ Кострому и Ярославль съ просьбой отложиться отъ Заруцкаго, стоявшаго подъ стѣнами Москвы, и быть вѣрными королевичу Владиславу. Костромское и Ярославское ополченіе, отправленное, какъ мы уже знаемъ, къ Москвѣ, послѣ смерти П. Ляпунова осталось подъ командою Заруцкаго, начальствовавшаго надъ казаками и занимавшагося грабежами въ окрестностяхъ Москвы. Къ Ярославлю и Костромѣ было отправлено Пожарскимъ войско подъ начальствомъ своего брата, такъ какъ нижегородскій воевода узналъ, что казаки Заруцкаго хотятъ занять Ярославль. Войско Пожарскаго предупредило казаковъ, и по вступленіи въ предѣлы Костромской губерніи оно было встрѣчено съ неописуемымъ восторгомъ. Такъ, напимѣрь, жители г. Юрь-

евца дали войскамъ деньги, проводили ихъ съ честію. Въ Решмѣ къ Пожарскому явился Кирилла Чоглоковъ, который подалъ Пожарскому бумагу отъ Заруцкаго; казаки обѣщались жить въ мирѣ съ нижегородскимъ ополченіемъ. Но Пожарскій имъ не повѣрилъ и, не желая ихъ раздражать преждевременно, отпустилъ Чоглокова съ честію.

Давъ довольно продолжительный отдыхъ войску въ Ки-нешмѣ, Пожарскій двинулся къ Костромѣ, но по дорогѣ въ Плесъ получилъ извѣстіе, что костромской воевода Иванъ Шереметевъ сторонникъ королевича Владислава и не хочетъ впускать въ городъ нижегородское ополченіе. Посовѣтовавшись съ Мининымъ, Пожарскій рѣшилъ прямо отправиться къ Костромѣ. Въ это время въ городѣ были двѣ партіи, враждовавшія между собой. Одна партія стояла за воеводу, а другая не хотѣла присягать Владиславу. Последняя была многочислѣннѣе первой, и лишь только Пожарскій вошелъ въ посадъ Костромы, какъ народъ возсталъ противъ Шереметева, отнялъ у него воеводство и навѣрно бы его убилъ, если бы отъ этого не удержалъ костромичей Пожарскій, у котораго Кострома выпросила себѣ другого воеводу, князя Романа Гагарина.

Въ это время г. Суздаль попросилъ защиты у Пожарскаго отъ Просовецкаго, и Пожарскій отправилъ туда изъ Костромы войско подъ начальствомъ своего брата, князя Романа Пожарскаго. Въ то же время Пожарскій узналъ о движеніи гетмана Ходкевича къ Москвѣ на выручку поляковъ. Но войско гетмана потерпѣло полное поражение отъ войска Пожарскаго, къ которому въ концѣ битвы присоединились свѣжія силы казаковъ Трубецкаго. Вскорѣ гетманъ, отгнанный отъ Москвы, вынужденъ былъ отступить къ Можайску. Сидѣвшіе въ московскомъ кремлѣ поляки, доведенные голодомъ до крайности, вынуждены были капитулировать, и такимъ образомъ Москва была въ рукахъ ополченія.

Скоро Сигизмундъ, не добившись никакихъ результатовъ въ осадѣ городовъ, отступилъ въ Польшу, и это отступление дало возможность выбрать царя всей землей. Земскій соборъ 1613 года, созданный для избранія царя, долго не могъ притти къ какимъ либо результатамъ. Наконецъ представители ополченія и казаковъ рѣшили дѣло.

Существуетъ очень любопытный разсказъ, что въ одномъ изъ засѣданій собора какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ письменное мнѣнiе, въ которомъ говорилось, что надобно избрать въ цари Михаила Теодоровича Романова, такъ какъ онъ былъ самымъ близкимъ родственникомъ послѣдняго царя изъ дома Рюриковичей. Тогда раздались раздраженные и недовольные голоса: „Кто принесъ такое писанiе, кто, откуда?“ Въ это время изъ выборныхъ выдѣлился донской атаманъ и также положилъ на столъ письменное мнѣнiе. „Что это ты подалъ, атаманъ?“ спросилъ его присутствовавшій князь Дмитрiй Михайловичъ Лопата-Пожарскiй. „О природномъ царѣ, Михаилѣ Теодоровичѣ“, былъ отвѣтъ. „Прочтеше писанiе атаманское, бысть у всѣхъ согласенъ и единомышленъ совѣтъ“, пишетъ современный этому собору бытописатель.

И на послѣднемъ засѣданiи собора 21-го февраля 1613 года всѣ согласились признать Михаила Теодоровича Романова царемъ.

Ученикъ 7 кл. Е. Машталеръ.

Подвигъ Ивана Сусанина.

До второй половины XVIII вѣка наши историки мало интересовались какъ личностью Ивана Сусанина, такъ и подвигомъ его. Память о немъ, какъ спасителѣ жизни перваго представителя изъ дома Романовыхъ на русскомъ престолѣ, жила только на родинѣ Сусанина въ народныхъ преданіяхъ и благоговѣйно читалась.

Впервые подвигъ Сусанина въ этомъ именно смыслѣ опредѣленно освѣтилъ Костромской архіерей Дамаскинъ въ своей привѣтственной рѣчи Императрицѣ Екатеринѣ подъ стѣнами Ипатьевского монастыря, посѣтившей Кострому въ 1767 году. Подвигъ Сусанина, по словамъ оратора, состоялъ въ томъ что Сусанинъ „утаилъ Михаила Феодоровича отъ польскихъ и литовскихъ людей, искавшихъ его“, и за это былъ замученъ. „Это событіе, говоритъ далѣе Преосвященный, а также принятіе Михаиломъ Феодоровичемъ скипетра Россійскаго государства въ стѣнахъ Ипатьевской обители, въ свое время составляли предметъ радости для этой древней обители, но *эта радость съ плачемъ растворялась* тогдашняго ради смятенія и мученія оными людьми рѣченнаго Сусанина, вѣдавшаго гдѣ и не сказавшаго имъ про него даже до смерти.“

Въ исторической литературѣ объ Иванѣ Сусанинѣ первымъ заговорилъ въ 1792 году полковникъ Васильковъ въ „Собраніи историческихъ изслѣдованій, относящихся до Костромы“. Онъ изображаетъ подвигъ Сусанина „страдальца“ также кратко, не прибавляя къ рѣчи Дамаскина ни одной новой черты.

„Села Домнина крестьянинъ Иванъ Сусанинъ въ 1613 году во время впаденія въ Костромской уѣздъ поискомъ противъ особы Михаила Феодоровича, поляками и литовцами бывъ пойманъ, разными истязанъ муками и въ страданіи умерщвленъ; но твердый духъ его, зная о мѣстѣ пребыванія искомага, скрылъ испытываемую имъ тайну и принесъ жизнь въ жертву для цѣлости особы, къ утверженію государства сохраняемой“.

Эти два краткихъ извѣстія относятся къ концу XVIII столѣтія.

Слѣдующія извѣстія принадлежатъ уже XIX столѣтію.

С. Щекатовъ въ Географическомъ словарѣ“ 1804 года уже болѣе яркими шрихами обрисовалъ Сусанина, какъ спасителя царской особы. Онъ опредѣленно указываетъ село Домнино, какъ мѣсто совершенія подвига и мѣстопробываніе юнаго Михаила послѣ московскаго плѣна и избранія его на царство. Это уже новая подробность, о которой въ первыхъ двухъ извѣстіяхъ совсѣмъ не упоминается.

Вслѣдъ за Щекатовымъ Сергій Глинка въ своей „Исторіи“ прямо возвелъ Сусанина въ идеаль народной доблести, украсивъ описаніе его подвига рядомъ подробностей, безъ указанія, однако, ихъ источника. Въ VI томѣ своей „Исторіи“ онъ повѣствуетъ слѣдующее.

„Поляки, продолжавшіе буйствовать въ русскихъ областяхъ, узнавъ о единодушномъ избраніи на престолъ Михаила Феодоровича Романова, рѣшились его погубить. Въ это время Михаилъ находился не съ матерью въ Ипатьевской обители, но въ Костромскомъ своемъ помѣстьѣ. Многочисленное скопище враговъ туда устремилось. Уже убійцы недалеко были отъ нареченнаго Царя, но Богъ оградивъ его непобѣдимой стражей—любовью и сердцами Россіянъ. Враги, не зная куда идти, остановили встрѣтившаго-

ся имъ крестьянина. Благодарность сохранила имя его: онъ назывался Иваномъ Сусанинымъ и былъ уроженецъ села Домнина. Различными околичностями спрашивали они о мѣстѣ пребыванія Михаила. Остроумный Сусанинъ, проникнувъ лѣсть и коварство враговъ, сказалъ: „ступайте за мной, я проведу васъ въ царское помѣстье“. Скопище злодѣевъ спѣшить за нимъ. Великодушный Сусанинъ ведетъ ихъ совсѣмъ въ противоположную сторону, по лѣсамъ и по снѣгамъ глубокимъ. Утомленные враги подкрѣпляются виномъ; Сусанинъ одушевляется вѣрою и вѣрностію. Къ полуночи очутились они въ непроходимомъ лѣсу. Злодѣи возроптали на Сусанина. „Ты обманулъ насъ“, воскликнули они.— „Не я“, отвѣчалъ Сусанинъ,— „Вы сами себя обманули. Ложно мыслили вы, что я выдамъ вамъ нарѣченнаго Государя. Михаилъ Ѳеодоровичъ спасенъ. Вы далеко отъ его помѣстья. Вотъ моя голова. Дѣлайте со мной, что хотите. Поручаю себя Богу“. Сусанинъ умеръ въ лютыхъ мукахъ и истязаніяхъ. Вскорѣ и убійцы его погибли“.

Это уже совершенно картинный и законченный рассказъ: передъ нами непроходимый лѣсъ, глубокіе снѣга, глухая полночь, безстрашные отвѣты Сусанина и одураченные злодѣи, которые тутъ же въ лѣсу и гибнутъ, не умѣя найти дороги.

Рассказъ Глинки цѣликомъ попалъ въ „Словарь достопамятныхъ людей земли Русской“ Бантышъ-Каменскаго и съ этихъ поръ сдѣлался общепринятымъ для всѣхъ учебниковъ исторіи.

Между тѣмъ сказаніе о подвигѣ Ивана Сусанина развивалось и далѣе и принимало новые, болѣе рельефные образы: въ 1840 году издано сочиненіе „Взглядъ на исторію Костромы“—Князя Козловскаго.

По этой послѣдней версіи въ подвигъ спасенія принимаетъ участіе уже новое лицо—зять Сусанина Богданъ Сабининъ. Мученическій вѣнецъ Сусанинъ принялъ не близъ села Домнина, какъ говоритъ Глинка, а въ 12-ти верстахъ отъ него, въ селѣ Исуповѣ. Михаилъ же Θεодоровичъ, во время предупрежденный Сабининымъ, успѣлъ спастись окрестными дорогами въ Ипатьевскій монастырь, куда велѣлъ за нимъ прибыла и мать его инокиня Марѳа. Шайка поляковъ не погибла въ глухомъ лѣсу, а удалилась къ Вѣлозеру.

Помимо этихъ новыхъ подробностей, почерпнутыхъ, очевидно, на родинѣ Сусанина изъ устныхъ народныхъ преданій, историкъ упоминаетъ о древней рукописи, находившейся у извѣстнаго издателя „Отечественныхъ Записокъ“ Павла Петровича Свинына. Въ рукописи сказано, что будущій царь былъ спрятанъ бурмистромъ Домнинской вотчины Иваномъ Осиповымъ Сусанинымъ въ ямѣ только что сгорѣвшаго крестьянскаго овина въ поселкѣ Деревницѣ, гдѣ жилъ Сусанинъ съ зятемъ и дочерью Антониной; и что въ этой именно деревнѣ, а не среди Исуповскихъ болотъ, погибъ Сусанинъ. Мѣстные крестьяне и теперь указываютъ слѣды овинной ямы Сусанина, а въ Костромской Ученой Архивной Комиссіи имѣются съ нея фотографическіе снимки. Древняя рукопись, о которой упоминаетъ кн. Козловскій, затеряна, но въ мѣстной Архивной Комиссіи хранится списокъ съ нея, пріобрѣтенный сравнительно недавно.

Далѣе Козловскій согласно съ Глинкою, говоритъ, что Царь повелѣлъ тѣло Сусанина перевезти въ Ипатьевскій монастырь и предать землѣ съ честью, а оставшимся родственникамъ даровалъ многія преимущества.

Вмѣстѣ съ научной исторической литературой личность и подвигъ Ивана Сусанина стали излюбленнымъ сюжетомъ

и для поэтовъ, написавшихъ о немъ цѣлый рядъ стихотвореній и драмъ; и для писателей, давшихъ многочисленныя рассказы и повѣсти для народа на эту тему, и, наконецъ, для музыкальныхъ композиторовъ. Изъ литературныхъ и музыкальныхъ произведеній на эту тему особенно извѣстны: „Иванъ Сусанинъ“ драма Рылѣва, „Костромскіе Лѣса“—драма Н. Полевого и опера Жизнь за Царя“ Мих. Ив. Глинки.

По просьбѣ Костромскихъ дворянъ Императоръ Николай I-й повелѣлъ воздвигнуть въ Костромѣ памятникъ Сусанину „во свидѣтельство, чтобы благородныя потомки видѣли въ безсмертномъ подвигѣ Сусанина спасеніе жизни новоизбраннаго русскою землею Царя черезъ пожертвованіе имъ своей жизни, спасеніе православной вѣры и русскаго царства отъ чужеземнаго господства и порабощенія“.

И такъ мы прослѣдили исторію развитія сказанія объ Иванѣ Сусанинѣ, начиная съ очень краткаго упоминанія о немъ въ рѣчи Епископа Дамаскина и кончая связнымъ и подробнымъ рассказомъ историковъ.

Теперь обратимся къ документальнымъ источникамъ.

Долгое время единственнымъ историческимъ источникомъ служила грамота Царя Михаила Ѳеодоровича, пожалованная имъ „по совѣту и прошенію матери“ 30 ноября 1619 года зятю Сусанина, крестьянину села Домнина Богдану Сабину „за кровь и за раны тестя его Ивана Сусанина“. Этой грамотой „Богдашкѣ“ дарованы были многія милости за то, что тесть его Иванъ Сусанинъ, котораго польскіе и литовскіе люди „изымали и пытали великими и немѣрными пытками, вывѣдывая, гдѣ въ тѣ поры великій Государь, Царь и Великій Князь Михайль Ѳеодоровичъ находился „ “ про то вѣдая и терпя немѣрныя пытки“, тѣмъ не менѣе сохранилъ тайну, „про насъ

не сказалъ „ “ и за то польскими и литовскими людьми былъ замученъ до смерти“.

Говоря о фактѣ подвига, грамота совершенно умалчиваетъ о тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ подвигъ совершался. Слѣдующая жалованная грамота 1633 г. дана была Михаиломъ Ѳеодоровичемъ вдовѣ Антонидѣ Сабининой съ ея дѣтьми „Данилкою и Костыкою“ на пустошь Коробово, взаимѣнъ деревнищенской земли, отошедшей по завѣщанію матери царя—Марѣы Іоанновны къ Ново-Спасскому монастырю на поминъ души. Эта грамота, а также грамота Михаила Ѳеодоровича 1644 года, воспрещающая въѣздъ въ дер. Коробово представителямъ мѣстной административной власти, только подтверждаютъ событіе, изложенное въ первой грамотѣ, повторяютъ ея подлинныя слова, но не прибавляютъ новыхъ фактическихъ свѣдѣній. То же самое можно сказать о грамотахъ Царей Петра и Іоанна Алексѣевичей 1691 года, Императрицы Екатерины II-й 1767 года и наконецъ Императора Николая I-го 1838 г.

Съ другой стороны, въ лѣтописяхъ, въ хроникахъ и др. письменныхъ документахъ и источникахъ XVII вѣка ничего не говорится о Сусанинѣ; не упоминается о немъ нигдѣ и въ допесеніяхъ и описаніяхъ иностранныхъ пословъ, путешественниковъ и историковъ, бывшихъ въ Россіи въ тѣ времена. Только на родинѣ Сусанина память о немъ продолжаетъ жить, и преданія о подвигѣ его передаются изъ рода въ родъ.

Обратимся къ этимъ преданіямъ.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1871 годъ помѣщена записка“ протоіерея Домнинскаго „Правда о Сусанинѣ“ съ предисловіемъ историка Дорогобужина. Протоіерей церкви села Домнина Алексѣй Домнинскій, потомокъ отца Евсевія, священствовавшего въ селѣ томъ во время спасенія

Михаила Θεодоровича Сусанинымъ, дѣлаеть сводъ преданій, разъясняющихъ это событіе. Хранятся эти преданія преименно въ священническомъ родѣ и передаются отъ отца къ сыну. Священствовалъ отецъ Алексѣй съ 1818 г., и ко времени опубликованія „записки“ ему было болѣе 80 лѣтъ.

„Сохрани меня, Боже, лгать при концѣ жизни“, говоритъ отецъ Алексѣй; и слова эти вполне подтверждаются и всей его личностью и искренностью тона его рукописи. Онъ воплощаль въ себѣ типъ русскаго сельскаго священника въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Онъ вдоль и поперекъ исходилъ лѣса и болота въ окрестностяхъ сель Домнина, Исупова и Деревницъ, тщательно изучилъ мѣстность, собралъ и сдѣлалъ сводъ мѣстныхъ преданій.

Рукопись свящ. Домнинскаго начинается разсказомъ объ освобожденіи инокини Марѣы и юнаго Михаила Θεодоровича изъ московскаго плѣна, объ отъѣздѣ ихъ въ Кострому и объ избраніи въ Москвѣ Михаила на царство. Въ Костромѣ Марѣа Іоанновна остановилась въ своемъ домѣ у самаго Воздвиженскаго женскаго монастыря. Вскорѣ она узнала, что сынъ ея избранъ на царство, и что въ предѣлахъ Костромскаго края уже рыщутъ шайки злодѣевъ, чтобы погубить Михаила. Отчаянію ея не было предѣловъ.

„И въ это то самое время, разсказываетъ отецъ Алексѣй, прибылъ къ ней управитель-староста Домнинской волости Иванъ Сусанинъ. Отъ домашнихъ ея узналъ онъ, что сынъ ея Михайлъ предназначенъ на Всероссійскій Царскій Престоль, и что посему поляки, искренніе враги царства Русскаго, уже близъ Костромы съ цѣлью погубить его и опять Святую Русь свергнуть въ пагубное безначаліе“. Сусанинъ какъ огнемъ воспламенился ревностью за новоизбираемаго Царя и, являясь передъ лицо инокини Марѣы Іоа-

новны, съ клятвою сказалъ: „отдай мнѣ Михаила Θεодоровича, я сохраню его для Святой Россіи, скрою его; и пусть враги его рѣжутъ меня, пусть терзаютъ—не скажу про него. Крестьянская голова не дорога, а дорога царская; а скрыть его есть гдѣ у меня“.

„Отрадныя сіи слова такъ подѣйствовали на сердце инокини Марѣы Іоанновны, что она согласилась отпустить съ Сусанинымъ своего сына въ Домнино. И Михаилъ Θεодоровичъ, напутствованный молитвою и благословіемъ матери, ночью въ крестьянской одеждѣ выѣхалъ изъ города и прибылъ въ Домнино ночью, безъ всякой о себѣ огласки. Здѣсь онъ тотчасъ скрылся на дворѣ въ подземномъ тайникѣ и закрыть былъ коровьими яслями; а Сусанинъ каждый день съ самаго ранняго утра до поздняго вечера ухаживалъ въ лѣсъ рубить дрова.

„Поляки, наконецъ, узнали, что Михаила нѣтъ въ Костромѣ, и что онъ выѣхалъ не иначе какъ въ Домнино съ Сусанинымъ, многими замѣченнымъ тогда въ Костромѣ. И поспѣшно погнались они за ними, думая догнать на дорогѣ и тутъ же совершить свое злодѣйство.

„Но Михаилъ прибылъ въ Домнино за двое сутокъ до своихъ злодѣевъ; а Сусанинъ тогда же приказалъ зятю своему въ деревнѣ Деревнищѣ Богдашиѣ Сабину зажечь овинъ съ разглашеніемъ въ народѣ, что овинъ сгорѣлъ отъ сушки хлѣба, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы при набѣгѣ непріятелей перемѣстить туда Михаила и закрыть обгорѣлыми головнями, дабы и собаки, находящіяся съ поляками, не могли по обонянію узнать сокрытаго.

„Черезъ двое сутокъ поляки дѣйствительно прибыли въ Домнино. Обыскавши весь домъ господскій, все дворовое строеніе и всѣ дома въ селѣ и не найдя ни Михаила, ни Сусанина, обратились было въ дер. Деревнище, на мѣ-

сто жительства зятя Сусанина; но на дорогѣ въ лѣсу нашли самого Сусанина, спросили о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и, услышавъ отвѣтъ, что онъ ушелъ въ лѣсъ за охотою, не повѣрили, воротились въ Домнино, потребовали угощенія и за угощеніемъ предлагали ему и деньги и почести; но, слыша отъ Сусанина одно: „Михаилъ остался въ лѣсу“, взялись за крутыя мѣры... Но и подъ пытками сердце Сусанина не измѣнило клятвѣ спасти Михаила“.

„Враги, удивляясь его терпѣнію, подумали, что, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ Михаилъ остался въ лѣсу, приказали вести ихъ туда, и Сусанинъ повелъ ихъ по теченію рѣчки Корбы, текущей временно по глубочайшему и обширному суходолу, на крутыхъ окраинахъ коего, по обѣимъ сторонамъ, множество тоже глубокихъ овраговъ, заросшихъ дремучими лѣсами. Поискъ ихъ продолжался до самой ночи, а между тѣмъ Сусанинъ безпрестанно громкимъ крестьянскимъ голосомъ кричалъ: „Михаилъ Ѳеодоровичъ... Михаилъ Ѳеодоровичъ...“ давая врагамъ знать, что онъ ихъ якобы не обманываетъ. Наконецъ, достигли деревни Перевоза въ одной верстѣ отъ Домнина. Свечерѣло. Враги отъ труднаго и продолжительнаго поиска въ самомъ дѣлѣ утомились и пожелали отдохнуть; остановясь въ крестьянской избѣ и пресытившись водкою, они пьяные, связавши вожакъ своего, положили среди себя и скоро заснули. Ихъ стражами были собаки. Между тѣмъ, зять Сусанина по предварительному приказанію его перемѣстилъ Михаила въ свою деревню и тамъ подъ сгорѣвшимъ овиномъ въ ямѣ закрылъ его головнями. Злодѣи скоро проснулись и возобновили надъ Сусанинымъ пытки. Видя безпримѣрное его терпѣніе, они подумали, что и въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть Михаилъ, избѣгая ихъ преслѣдованія, уже сдѣлавшагося гласнымъ, ушелъ далѣе, и рѣшились тою же ночью спу-

ститься подь гору, и съѣхали на болото, надѣясь на чуткость собакъ, съ ними бывшихъ. Подь горою, между раменнымъ лѣсомъ и рѣкою, сперва ѣхали они съ Сусанинымъ по замерзшему твердому лугу; но скоро земля подь ногами ихъ начала гнуться. Наконецъ достигли они до такихъ мѣстъ, гдѣ частыя полыньи и мало замерзшая земля далѣе ни итти, ни ѣхать не позволяли. Сусанинъ бросился было за рѣку, но ледь подогнулся, затрепалъ. Тутъ то враги узнали обманъ, схватили его и изрубили на части“.

Таковъ сводъ мѣстныхъ преданій. Какъ видно, рассказъ протоіерея Домнинскаго сходенъ по содержанію съ древней рукописью, о которой упоминаетъ кн. Козловскій въ исторіи Костромы. Онъ полонъ интересныхъ подробностей, но, безъ сомнѣнія, не вполне соответствуетъ дѣйствительности. Историкъ Иловайскій считаетъ положительно неправдоподобнымъ извѣстіе о томъ, что Сусанинъ укрывалъ Михаила въ овиной ямѣ и въ тайникахъ домнинскихъ хоромъ. Еще менѣе вѣроятнымъ считаетъ онъ ночной уходъ Михаила изъ дому оврагомъ, а равно и убіеніе Сусанина въ Деревнищахъ, о чемъ говорится въ рукописи.

Однако отсутствіе историческихъ источниковъ, которые подтверждали бы грамоту Царя Михаила Ѳеодоровича 1619 года, и разногласія авторовъ, повѣствовавшихъ о подвигахъ Сусанина, заставили историка Костомарова отнестись критически къ постепенно слагавшемуся сказанію объ этомъ подвигѣ. Опираясь, главнымъ образомъ, на то, что сохранившимися источниками не подтверждается присутствіе польско-литовскаго отряда близъ села Домнина въ 1613 году, что въ это время Михайлъ Ѳеодоровичъ со своей матерью жилъ не въ селѣ Домнинѣ, а въ хорошо укрѣпленномъ Ипатьевскомъ монастырѣ, и что въ современныхъ Сусанину или близкихъ къ его времени лѣтописяхъ ничего о

немъ не говорится, Костомаровъ отрицалъ и самый фактъ спасенія Сусанинымъ новоизбраннаго царя. Гибель же Сусанина онъ объяснялъ, какъ одну изъ безчисленныхъ жертвъ, погибшихъ отъ шайки разбойниковъ, столь многочисленныхъ въ Смутное время. Что же касается сохранившихся среди земляковъ Сусанина преданій о его подвигѣ, то онъ находилъ ихъ запутанными и противорѣчивыми и считалъ ихъ навѣянными книжными источниками, а не наоборотъ.

Мнѣнiе Костомарова вызвало оживленную полемику. Интересъ къ событiю возросъ. Костомарову горячо возражали историки С. М. Соловьевъ, М. Б. Погодинъ, Дорогобужиновъ и особенно убѣдительно Самаряновъ. Мѣстныя архивныя комиссiи и историческiя общества, занявшiяся описанiемъ и изученiемъ древнихъ актовъ, открыли новые документы о подвигахъ Сусанина. Нашлись почти современныя ему „записки“ и „преданiя“, авторы которыхъ преклоняются предъ подвигомъ Сусанина и называютъ его „мученикомъ“. На основанiи этихъ рукописныхъ, еще не изданныхъ, или мало извѣстныхъ печатныхъ источниковъ, костромичу А. В. Самарянову удалось доказать достовѣрность событiя. Онъ собралъ въ своей книгѣ „Памяти Ивана Сусанина“ многочисленныя данныя, изъ которыхъ видно слѣдующее.

1) Въ 1613 году въ Костромской и Галичскiй уѣздъ дѣйствительно приходили литовскiе и польскiе люди, рыскали вокругъ села Домнина, пытали многихъ встрѣчныхъ поселянъ съ цѣлю узнать отъ нихъ мѣсто пребыванiя царя, чтобы захватить его или убить, какъ соперника польскаго королевича Владислава.

2) Михаилъ Феодоровичъ въ это время несомнѣнно жилъ въ своей вотчинѣ, въ селѣ Домнинѣ на Костромѣ, а не въ Костромѣ.

3) О точномъ его пребываніи знать *только* Сусанинъ, бывшій приказчикомъ или старостой въ Домнинѣ, зналъ онъ также и объ избраніи его на царство.

4) Именно, по совѣту Сусанина Михаилъ Феодоровичъ скрылся отъ ляховъ за стѣнами Ипатьевского монастыря.

5) Сусанинъ былъ убитъ послѣ продолжительныхъ и мучительныхъ пытокъ польско-литовскимъ отрядомъ, а не бродячей шайкой разбойниковъ.

Въ результатѣ всѣхъ историческихъ изысканій подвиговъ Сусанина представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Иванъ Осиповъ Сусанинъ былъ старостой родовой вотчины бояръ Романовыхъ села Домнина, гдѣ, послѣ избранія на престолъ, жилъ нѣкоторое время молодой царь Михаилъ Феодоровичъ со своею матерью Марею Ивановной. Какъ только распространилась вѣсть объ избраніи на царство Михаила Романова вмѣсто королевича Владислава, Костромской уѣздъ наводнился польско-литовскими отрядами, искавшими новоизбраннаго царя съ цѣлію убить его или захватить и отправить въ Польшу, гдѣ уже томился въ плѣну отецъ молодого царя-Филаретъ Никитичъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ рыскалъ въ окрестностяхъ села Домнина и хваталъ встрѣчныхъ по пути крестьянъ, стараясь вывѣдать у нихъ при помощи пытокъ мѣстопробываніе Михаила Феодоровича. Въ числѣ схваченныхъ былъ и Сусанинъ. Какъ староста и довѣренный своего боярина, онъ одинъ лишь зналъ точное его мѣстопробываніе. Схваченъ онъ былъ близъ своей деревни Деревницъ, въ трехъ верст. отъ Домнина. Отъ другихъ крестьянъ поляки узнали, кто такой былъ Сусанинъ, и приказали ему вести ихъ въ Домнино. Сусанинъ, несомнѣнно, догадался, зачѣмъ прибыли поляки, однако долженъ былъ явиться невольнымъ проводникомъ ихъ въ вотчину бояръ Романовыхъ. Послѣ нѣсколь-

кихъ уклончивыхъ отвѣтовъ, Сусанинъ повелъ польскій отрядъ, но не въ Домнино, а въ противоположную сторону къ селу Исупову, черезъ лѣса и болота. Издали за отрядомъ слѣдилъ зять Сусанина Богданъ Сабининъ. Цѣлую ночь Сусанинъ блуждалъ съ поляками по Исуповскому болоту. Наконецъ отрядъ утомился и заснулъ. Вотъ то тутъ и напелъ возможность Сусанинъ передать розыскавшему его зятю о грозившей царю величайшей опасности отъ поляковъ, съ настоятельнымъ совѣтомъ немедленно ѣхать въ укрѣпленный Ипатьевскій монастырь. Съ разсвѣтомъ снова повелъ Сусанинъ отрядъ поляковъ по лѣснымъ чащамъ и замерзшимъ болотамъ, стараясь отыскать яко бы затерянную дорогу къ Домнину. Наконецъ, рассчитавъ, что зять Сабининъ уже успѣлъ выполнить порученіе, и что Михаилъ Ѳеодоровичъ уже въ безопасности, Сусанинъ объявилъ полякамъ, что они обмануты. Раздраженные поступкомъ Сусанина, поляки „пытали его великими, немѣрными пытками, сажали на столпъ, рубили на мелкія части и замучили до смерти“.

И все это совершилось не въ глухомъ лѣсу, а близъ села Исупова въ присутствіи многихъ поселянъ для устрашенія ихъ.

Въ такой редакціи установленъ историками подвигъ спасенія Сусанинымъ Михаила Ѳеодоровича.

Въ пользу подлинности событія говоритъ еще и то обстоятельство, что поступокъ Сусанина не былъ одиночнымъ явленіемъ въ ту смутную эпоху. Объ этомъ свидѣтельствуесть записка поляка Маскевича („Смутное время“ Д. Иловайскаго). Онъ рассказываетъ, какъ однажды въ мартѣ 1611 года самъ едва не погибъ со своимъ отрядомъ, потому что проводникъ его, старый русскій кресъянинъ, повелъ было поляковъ прямо на русское войско. Случайно они во время узнали правду и отрубили проводнику голову. Такой же

случай приводить и И. Е. Забѣлинъ въ статьѣ „Везвѣстный герой смутнаго времени“.

Подобные случаи личнаго самопожертвованія совершенно соотвѣтствуютъ наступившему въ концѣ Смутнаго времени сильному подъему народнаго духа и охватившему почти все слои русскаго населенія желанію освободить родину отъ власти поляковъ. Да и самъ Костомаровъ въ изслѣдованіи о Сусанинѣ приводитъ изъ событій 1648 года подвигъ южно-русскаго крестьянина Никиты Галагана, который умышленно завелъ польское войско въ болото и трупобы, чѣмъ и способствовалъ его пораженію отъ казаковъ.

Итакъ, мы прослѣдили исторію развитія сказанія о подвигѣ Сусанина. Мы видѣли, какъ этотъ подвигъ сначала малозамѣтный, не опредѣлившійся въ подробностяхъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе привлекалъ вниманіе историковъ, изучался, пополнялся и наконецъ приобрѣлъ значеніе великаго историческаго событія. Личность же Ивана Сусанина навсегда запечатлѣлась въ народномъ сознаніи, какъ идеаль гражданской доблести.

Ученикъ 7 кл. *Юрій Покровскій.*

Подвигъ Ивана Сусанина.

Въ то время, когда Россія переживала тяжелыя годы Смутнаго времени, когда древніе устои общественной и государственной жизни рушились, и когда съ избраніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, наконецъ, Русь могла свободно вздохнуть подъ властью единого Царя,— въ ряды національныхъ героевъ отечественной исторіи стала костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ.

Задолго еще до паденія Шуйскаго, въ то время, когда казаки и поляки оставляли свой Тушинскій лагерь, нѣкоторая часть тушинцевъ не хотѣла ни идти за „воромъ“ въ Калугу, ни возвращаться къ Шуйскому въ Москву. Среди этихъ людей стояли митрополитъ Ростовскій Филаретъ, боярская семья Салтыковыхъ и др. Они обратились къ королю Сигизмунду и просили его дать своего сына Владислава на московскій престолъ съ тѣмъ, чтобы тотъ правилъ Московскимъ государствомъ при участіи Боярской думы и Земскаго собора. На этотъ шагъ дала свое согласіе и Москва, т. к. близъ нея стояли Жолкевскій, требовавшій избранія Владислава, и Лжедимитрій II, за котораго была московская чернь. Отбиться отъ нихъ обоимъ Москва не могла, и Дума боярская рѣшила скорѣе признать власть Владислава, чѣмъ подчиниться „вору“. Бояре вступили въ переговоры съ Жолкевскимъ, и русскій народъ далъ присягу на вѣрность польскому королевичу. Но когда открылись намѣренія польскаго короля присоединить Московское государство къ своей коронѣ, присяга эта была нарушена. Естественно, поляки, находившіеся въ это время въ Россіи, не

могли равнодушно смотрѣть на это нарушеніе русскими данной клятвы и поклялись истребить родъ бояръ Романовыхъ, т. к. ихъ они считали главными виновниками всего происшедшаго

Вотъ поэтому въ 1613 г., когда инокиня Марѳа Ивановна съ сыномъ своимъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, уже нареченнымъ въ Москвѣ Царемъ, проживала въ своей Костромской вотчинѣ—въ селѣ Домнинѣ, польскіе и литовскіе люди искали, гдѣ живутъ Романовы, желая захватить Михаила Ѳеодоровича. Узнавъ, что Романовы живутъ въ Домнинѣ, поляки искали дороги къ этому селу. На пути имъ попался Сусанинъ, котораго они и схватили, приказывая вести ихъ въ Домнино. Сусанинъ повиновался и повелъ ихъ только не въ Домнино, а въ противоположную сторону—къ селу Исунову. Умышленно блуждая съ поляками по сосѣднимъ лѣсамъ и Исуновскому болоту цѣлую ночь и утро слѣдующаго дня, Сусанинъ, несмотря на жестокія пытки, не открылъ имъ, гдѣ Царь. Раздраженные этимъ обманомъ поляки, послѣ многихъ тяжкихъ мученій, изрубили Сусанина въ мелкіе куски.

Сказанія о подвигѣ Сусанина переходили изъ устъ въ уста, отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку. Подвигъ Сусанина казался всѣмъ чрезвычайно великимъ и патріотичнымъ, а личность его въ высшей степени привлекательною. Начальники ставили своимъ подчиненнымъ Ивана Сусанина въ примѣръ непоколебимой преданности Царю и отечеству, а историки и поэты съ любовію останавливались на свѣтлой личности Костромскаго крестьянина. Сусанинъ былъ возведенъ на пьедесталь славы, и никто не рѣшался свергнуть его съ этого пьедестала Болѣе 2½ вѣковъ исторія о славномъ подвигѣ Сусанина не подвергалась какому—либо сомнѣніямъ или опроверженію. Но вотъ въ 1862 году Н. И. Костомаровъ подвергъ сомнѣнію подвигъ и личность Суса-

нина, а спустя 14 лѣтъ послѣ перваго своего сочиненія о Сусанинѣ, въ историческомъ изслѣдованіи: „Екатерина Алексѣевна—первая Русская Императрица“, высказалъ рѣшительное убѣжденіе, что сказаніе о спасеніи Сусанинымъ жизни Михаила Ѳеодоровича отъ покушенія польскихъ и литовскихъ людей—не больше, какъ историческая сказка. У Костомарова нашлись послѣдователи, убѣжденные въ томъ, что Сусанинъ—миѳическая личность, а исторія о его подвигѣ—сказка. И въ настоящее время нѣкоторая часть русскаго общества вполне солидарна съ этимъ мнѣніемъ.

Между тѣмъ, Костомаровымъ при сужденіи о подвигѣ Сусанина были опущены изъ виду нѣкоторыя печатныя и рукописныя памятники, явно свидѣтельствующіе о достовѣрности подвига. На основаніи этихъ памятниковъ и попытаемся доказать, что Сусанинъ—дѣйствительная историческая личность, а исторія о его подвигѣ—не историческая сказка.

Изъ изслѣдованій и монографій Н. И. Костомарова „Объ Иванѣ Сусанинѣ“, „о Смутномъ времени Московскаго государства“ и „О личностяхъ смутнаго времени“ видно, что его возраженія относительно достовѣрности подвига Сусанина сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что а) будто въ 1613 году поляковъ и литовцевъ не было совсѣмъ въ Костромскомъ краѣ, и в) будто въ 1613 г. Михайль Ѳеодоровичъ жилъ въ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ, а не въ Домнинѣ.

Что польскіе и литовскіе люди были къ 1613 г. въ Костромскомъ краѣ, это подтверждается, во первыхъ, жалованною грамотою царя Михаила Ѳеодоровича, отъ 8 февраля 1614 года, настоятелю Желѣзно-Боровскаго монастыря игумену Іосифу съ братіею. Эта грамота выдана имъ, по ихъ прошенію, вмѣсто грамоты прежнихъ государей, кото-

рая была ими утрачена во время прихода литовских людей въ Галичскій уѣздъ въ 1613 году. Въ этой грамотѣ говорится: „рождественнаго монастыря Ивана Предтечи и преподобнаго чудотворца Іакова, что въ Галичскомъ уѣздѣ на Желѣзномъ Борку, игумень Іосифъ съ братіею били намъ челомъ и сказали: была де у нихъ въ монастырѣ жалованная грамота блаженныхъ памяти прежнихъ Государей Царей—Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича всея Руссіи и Великаго Государя Царя и Великаго Князя Θεодора Ивановича всея Руссіи и Царя Бориса, и тое де у нихъ жалованную грамоту взяли литовскіе люди, какъ приходили въ Галичскій уѣздъ войною въ прошломъ въ 1613 году.

Въ памятной книгѣ Костромской губерніи 1862 года, на основаніи мѣстной лѣтописи, такъ записанъ набѣгъ поляковъ и литовцевъ съ участіемъ русскихъ „воровъ“ въ томъ же 1613 г. на Солигаличъ: „въ 1613 году литовскіе люди и русскіе воры выжгли посадъ Солигаличскій и монастырь Воскресенскій.

Историческое изслѣдованіе о бывшемъ Рождество-Богородицкомъ монастырѣ, находящемся въ 12 верстахъ отъ Галича, говоритъ, что монастырь этотъ послѣ неоднократныхъ татарскихъ набѣговъ, окончательно разоренъ польскими и литовскими людьми во время междуцарствія.

Кромѣ этого, изъ писцовой книги г. Галича 1636—1637 г.г. видно, что литовскими людьми сожжены въ Галичѣ двѣ церкви, и что это событіе, по свидѣтельству посадскихъ людей г. Галича, было „назадъ тому лѣтъ двадцать съ пять“. Если принять за несомнѣнное, что писцовая книга составлена въ 1637 г., то окажется, что польскіе и литовскіе люди были въ Галичѣ въ 1613 году; да отъ Желѣзно-Боровскаго монастыря до Солигалича и не могло

быть для грабителей болѣе выгоднаго пути, какъ черезъ Галичъ.

Такимъ образомъ, признавая изъ указанныхъ источниковъ, что поляки и литовцы въ 1613 г. были въ Костромской сторонѣ, что они приходили въ Галичскій уѣздъ, побывали въ пригородѣ Соли Галичской и въ Желѣзно-Боровскомъ монастырѣ, который отъ родового имѣнія матери Михаила Феодоровича села Домнина находится на разстояніи не болѣе 15—20 верстъ, мы можемъ отвергнуть первое возраженіе Костомарова по поводу достовѣрности подвига Ивана Сусанина.

Относительно того, что Михаилъ Феодоровичъ съ матерью своею, по очищеніи Московскаго кремля отъ поляковъ, въ концѣ 1612 г. или въ началѣ 1613 г. проживали, „крываясь отъ безбожныхъ ляховъ“, въ селѣ Домнинѣ, свидѣтельствуютъ слѣдующія грамоты и лѣтописи, которыя давно извѣстны въ наукѣ: „Грамота объ избраніи Михаила Феодоровича на царство“ (Томъ I. Государств. грам.), „Лѣтопись о многихъ мятежахъ“ и „Лѣтопись Макарьевского, что на рѣкѣ Унжѣ, монастыря Костромской губерніи“.

Въ „грамотѣ объ избраніи Михаила Феодоровича на царство“ говорится слѣдующее: „а какъ Московскаго государства стольникъ и воевода Д. М. Пожарскій, да выборный человекъ отъ всего государства Козьма Мининъ градъ Москву отъ польскихъ и литовскихъ людей очистили, сей же Михаилъ Феодоровичъ съ матерію своею освобожденіе отъ злаго томительства пріемлетъ и яко птичищъ отъ тѣнетъ отрѣшается и во свои вотчины въ Костромской уѣздъ скоро, по освобожденіи, возвращается“. Въ „Лѣтописи о многихъ мятежахъ“, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о Михаилѣ Феодоровичѣ, записано: „Бывшему ему въ то время у себя въ вотчинѣ“. Изъ всего этого видно, что Михаилъ Феодоровичъ

доровичъ съ своею матерью въ началѣ 1613 года проживалъ въ своей вотчинѣ селѣ Домнинѣ.

Костомаровъ не хочетъ согласиться, чтобы въ убіеніи Сусанина участвовалъ отрядъ поляковъ, посланный именно съ политическою цѣлью — схватить или убить Михаила. „Самое намѣреніе поляковъ и литовцевъ погубить Михаила, говоритъ Костомаровъ, есть уже произвольная догадка, ибо въ грамотѣ не говорится, зачѣмъ поляки спрашивали о немъ Сусанина.

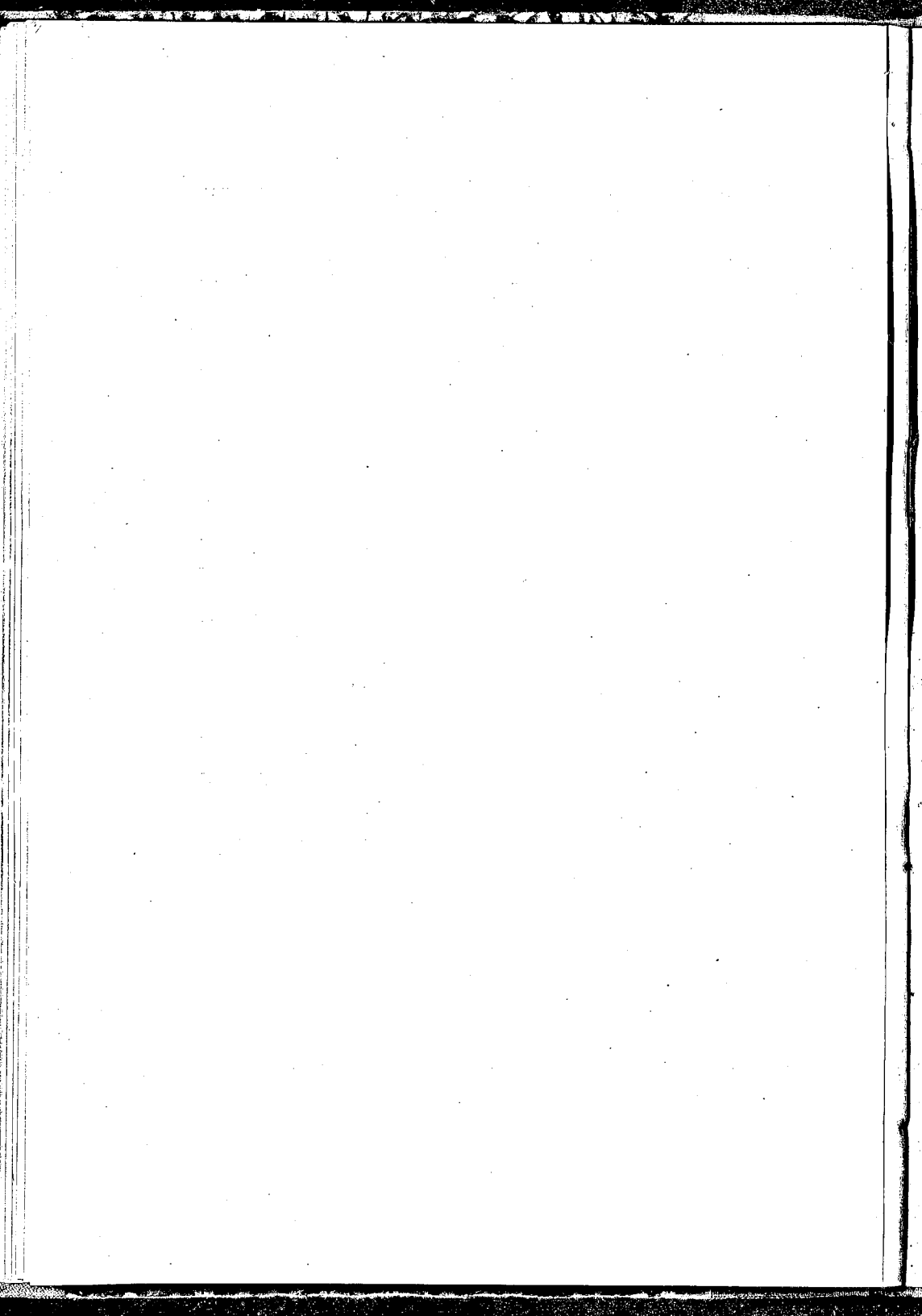
Цѣль прихода поляковъ и литовцевъ въ Костромской край весьма обстоятельно объяснена протоіереемъ Діевымъ въ его описаніи Ипатіевскаго монастыря. Протоіерей указываетъ здѣсь нѣсколько источниковъ, которые прямо или косвенно выясняютъ, что поляки приходили въ Костромской уѣздъ въ 1613 г. съ тою именно цѣлью, чтобы умертвить Михаила Ѳеодоровича. Такъ 1) въ Собр. Госуд. грам. и договор. (Т. I № 203, стр. 611), сказано, что поляки, еще гораздо раньше освобожденія Москвы, „домысляхуса, какъ бы его (Мих. Ѳеод.), яко агнца незлобиваго, смерти предати“. 2) Берхъ утверждаетъ, что Московская партія королевича Владислава назначила митрополита Филарета посломъ къ польскому королю подъ Смоленскъ для того, чтобы ослабить вліяніе Филарета въ Москвѣ въ пользу его сына, и что тогда Марѳа Іоанновна съ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ была привезена въ Москву и поручена надзору польскаго военачальника Гонсѣвскаго. Все это, по мнѣнію протоіерея Діева, указываетъ на политическую цѣль отправленія отряда поляковъ и литовцевъ въ 1613 г. въ Костромской уѣздъ. „Причина заключенія митрополита Филарета въ темницѣ, говоритъ о. Діевъ, была политическая. Если бы поляки, стѣсненные въ Московскомъ кремлѣ, не сдались въ октябрѣ 1612 г. военнопленными, то Богъ вѣсть, чѣмъ бы кончи-

лась судьба Михаила Романова, Поляки, отпустивъ его изъ кремля, хотѣли поправить это убійствомъ его въ Домнинѣ“.

Подвигъ Сусанина не остался забытымъ Михайломъ Θεодоровичемъ. Благодарный царь пожаловалъ потомкамъ Сусанина цѣлый рядъ милостей.

Начало особенныхъ правъ и привилегій потомковъ Сусанина относится къ 1619 году. Въ настоящее время, конечно, трудно сказать, почему подвигъ Сусанина былъ вспомненъ и оцѣненъ только черезъ 6½ лѣтъ послѣ его совершенія. По всей вѣроятности, это было вызвано слѣдующими соображеніями: въ грамотѣ по необходимости нужно было упомянуть о злодѣйскомъ умыслѣ поляковъ противъ вновь избраннаго государя. А это значило совершить очень недипломатическій поступокъ, могущій раздражить короля и пановъ, и такимъ образомъ подорвать и безъ того слабыя надежды на заключеніе мира. Вмѣстѣ съ тѣмъ это могло и ухудшить положеніе Филарета Никитича, находившагося въ плѣну у поляковъ. Только уже по заключеніи мира съ поляками и послѣ возвращенія изъ плѣна Филарета Никитича юный царь Михайль Θεодоровичъ грамотою отъ 30-го ноября 1619 г., данною на имя зятя Сусанина, Богдана Сабина, выдѣляетъ потомковъ своего спасителя изъ среды рядового крестьянства и устанавливаетъ ихъ особенныя права.

Такимъ образомъ изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что мы должны отвергнуть возраженія Костомарова относительно достовѣрности подвига Сусанина и признать Сусанина истинною историческою личностью. Сусанинъ спасъ молодого царя отъ смерти, а русскую землю отъ дальнѣйшихъ волненій Смутнаго времени.

ПРИЗВАНІЕ НА ЦАРСТВО Михаила Θεодоровича Романова.

(Историческій день 14-го марта 1613 года въ Костромѣ).

Сегодня исполнилось ровно триста лѣтъ съ того момента, какъ въ храмѣ Пресвятой Живоначальной Троицы Костромскаго Ипатьевскаго монастыря былъ „нареченъ царемъ Богомъ избранный, благовѣрный Великій Государь, Царь и Великій Князь Михайль Θεодоровичъ, всея Россіи Самодержецъ“, родоначальникъ Августѣйшаго дома Романовыхъ.

Радостно было это событіе для всей Россіи, такъ какъ съ избраніемъ царя заканчивались годы „смутнаго времени“, годы „великаго испытанія“.

Какъ происходило это нареченіе? Почему Михайль Θεодоровичъ, а съ нимъ его мать, инокиня Марѳа Иоанновна, находились въ то время въ Костромѣ?—вотъ вопросы, которые возникаютъ въ нашемъ сознаниі.

Для выясненія перваго вопроса обратимся къ „Посланию изъ царствующаго града Москвы къ Государю въ Костромѣ съ моленіемъ о воцареніи его на Московское государство“. Сдѣлаемъ анализъ этого посланія съ соответствующими комментаріями.

„Божіимъ изволеніемъ и умоленіемъ всеосвященнаго собора, синклита, воинства, народнаго множества всякихъ людей, чиновъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, былъ избранъ царемъ Михайль Θεодоровичъ, племянникъ блаженнаго Великаго Государя Θεодора Иоанновича въ лѣто 7121-е“.

Это годъ—отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова будетъ 1613.

По поводу избранія въ цари Михаила Феодоровича современники говорили слѣдующее: „Самъ Богъ предъизбралъ и помазалъ Михаила Феодоровича на царство въ чревѣ матери! Недаромъ ненавидѣлъ и гналъ родъ Романовыхъ Борисъ, по волховованію предузнавъ о будущей славѣ его и о томъ, что роду Романовыхъ предопредѣлено царствовать въ Россіи“.

Вотъ объясненіе современниками причины избранія въ цари Михаила Феодоровича.

Попытаемся проникнуть въ историческую обстановку избранія, не уяснить ли она намъ шансовъ Михаила Феодоровича.

Земскій соборъ 1613 года былъ величественнъ и многолюденъ! Онъ былъ самымъ полнымъ въ сословномъ отношеніи изъ всѣхъ земскихъ соборовъ. На немъ были служилые люди, казаки, тяглые горожане и „уѣздные люди“. За уѣздныхъ людей на одномъ экземплярѣ избирательной грамоты есть 12 подписей, на другомъ—11. Подъ этимъ немного неопредѣленнымъ названіемъ, обыкновенно, разумѣютъ представителей сѣвернаго крестьянства, гдѣ сильна и самостоятельна была крестьянская община. Можно насчитать не менѣе 50 городовъ, представители которыхъ были на соборѣ 1613 г. А такое количество городовъ по тому времени—очень большое и внушительное, такъ какъ въ него вошли города самыхъ различныхъ областей русскаго государства, отъ Бѣлаго моря до Дона и Донца.

Нужно сказать, что не сразу земскій соборъ остановился на кандидатурѣ Михаила Феодоровича: „многи были собранія людей“, говоритъ современный бытописатель: „дѣла же утвердить не могутъ и все мнутся сѣмо и овамо.“

Онъ сразу и рѣшительно сталъ противъ „Маринкина сына—воренка“, противъ иностранныхъ кандидатовъ—литовскихъ и шведскихъ королей и ихъ дѣтей, противъ татарскихъ царевичей, которые служили въ Московскомъ государствѣ.

Кандидатура Михаила была выдвинута земщиной и казаками. Казачье войско въ Москвѣ болѣе чѣмъ вдвое превосходило дворянскую силу и раза въ полтора превосходило дворянъ и стрѣльцовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Земскіе люди и казаки толпою отправились къ Троицкому келарю Авраамію Палицыну, которому удалось соединить подъ Москвою обѣ рати—казаковъ и земцевъ въ общее ополченіе, и просили этого популярнаго монаха дѣятеля довести до земскаго собора ихъ просьбу объ избраніи на престолъ Михаила Теодоровича. По преданію, „славнаго Дону атаманъ“ первый изъяснилъ собору права на царство Михаила.

7 февраля 1613 года великій земскій соборъ „единомышленными совѣтомъ“ всѣхъ участниковъ „отъ мала и до велика“ предъизбралъ на царство 16-лѣтняго юношу Михаила Теодоровича, а 21-го февраля торжественно огласилъ свое избраніе „въ большомъ Московскомъ дворцѣ въ присутствіи—внутри и внѣ— всего народа изо всѣхъ городовъ Россіи“. Избраніе совершилось. Немедля стали искать Михаила Теодоровича, пославъ къ нему пословъ „въ Ярославль, или гдѣ онъ, государь, будетъ“.

Какъ юноша, Михаилъ Теодоровичъ Романовъ стоялъ внѣ боярскихъ партій и потому могъ быть общимъ любимцемъ всѣхъ. Онъ принадлежалъ къ любимой и всѣми уважаемой семьѣ бояръ Романовыхъ, несчастія которой, обрушившіяся на нее со стороны царя Бориса Теодоровича Годунова, привлекли къ ней сильное народное расположеніе. Его предокъ, повидимому, новгородскій бояринъ, Андрей Ивановичъ Кобыла еще въ XIV вѣкѣ игралъ при Московскомъ

дворѣ видную роль: ѣздилъ въ почетномъ поѣздѣ въ Тверь за невѣстою великаго князя Московскаго Симеона Гордаго — тверскою княжною. Его дѣдъ Никита Романовичъ, вѣрный дому и благородно безстрашный въ народной пѣснѣ, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и вліятельныхъ „земскихъ“ бояръ царя Іоанна Васильевича Грознаго. Его бабушка (двоюродная) Анастасія Романовна была первою супругою царя Грознаго, его кроткимъ ангеломъ утѣшителемъ. Его отецъ Теодоръ Никитичъ былъ Ростовскимъ митрополитомъ (съ именемъ Филарета), стоялъ когда-то во главѣ тушинскаго духовенства и тушинскаго лагеря, наводненнаго казаками, теперь онъ находился въ польскомъ плѣну: въ сентябрѣ 1610 г., по распоряженію патріарха Гермогена и бояръ, онъ былъ отправленъ посломъ подъ Смоленскъ звать на царство польскаго королевича Владислава, но былъ арестованъ поляками и заключенъ въ Маріенбургскую крѣпость. Теодоръ Никитичъ былъ двоюроднымъ братомъ послѣдняго царя изъ династіи Рюрика Теодора Іоанновича, слѣдовательно, его сынъ Михайль Теодоровичъ былъ двоюроднымъ племянникомъ царя Теодора. Это близкое свойство Михаила со старой династіей ставило его высоко въ глазахъ тогдашняго русскаго общества, которое въ смутное время гонялось за тѣню „природнаго царя,“ царевича Дмитрія, убитаго въ Угличѣ, и эту тѣнь воскрешало въ лицѣ разныхъ самозванцевъ.

Избравъ въ цари Михаила Теодоровича, соборъ не зналъ, гдѣ находится новоизбранный царь. Это незнаніе соборомъ мѣстопробыванія новаго царя лучше всего говоритъ за то, что не Романовы искали на Руси престола, а престолъ искалъ Романовыхъ.

Члены собора снарядили торжественное посольство къ Михаилу въ Ярославль. Въ Ярославлѣ они могли узнать, гдѣ находится Михайль Теодоровичъ. Онъ могъ быть или

въ родовой вотчинѣ своего отца селѣ Клоны Юрьево-Польскаго уѣзда или въ родовой вотчинѣ своей матери селѣ Домнинѣ Костромскаго уѣзда. Царь оказался „на Костромѣ въ Ипатьевскомъ монастырѣ“. Съ нимъ была и „мать его благовѣрная государыня инокиня Марѳа“. Еще въ октябрѣ 1612 года, когда Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ освобожденъ изъ плѣна и „осаднаго сидѣнья“ въ Московскомъ кремлѣ княземъ Д. М. Пожарскимъ, онъ отправился съ своею матерью въ ея вотчины въ Костромской уѣздъ (См. 610 и 611 стр. I тома Государ. грамотъ). Мать Михаила Ѳеодоровича Марѳа Ивановна (въ мѣрѣ Ксенія Ивановна) происходила изъ неродословной семьи Костромскихъ дворянъ Шестовыхъ и, выходя замужъ за Ѳеодора Никитича Романова, въ качествѣ приданого принесла съ собою Домнинскую волость Костром. уѣзда съ населеніемъ приблизительно 1650 душъ обоего пола. Главной резиденціей этой вотчины было село Домнино; въ немъ находились дворъ старицы Марѳы и богато убранная шатровая церковь.

Что же побудило старицу Марѳу покинуть свою вотчину Домнино и переселиться съ сыномъ въ Кострому? Преслѣдованія поляковъ и литовцевъ, которые хотѣли видѣть на московскомъ престолѣ своего короля. Намъ извѣстна жалованная грамота царя Михаила Ѳеодоровича отъ 8 февраля 1614 года настоятелю Желѣзоборовскаго монастыря. Этотъ монастырь находится въ 15 верстахъ отъ села Домнина. Въ этой грамотѣ точно говорится, что въ 1613 г. поляки грабили монастырь. Въ Солигаличской лѣтописи мы встрѣчаемъ другое указаніе, именно: въ ней говорится о нападении въ 1613 году на посадъ Солигаличъ Костромской литовцевъ и русскихъ „воровъ“.

Мало этого, какъ только въ Москвѣ стали говорить объ избраніи въ цари костромскаго боярина Михаила Ѳео-

доровича Романова, въ Костромскіе предѣлы нарочно прибыль съ политическою цѣлью отрядъ поляковъ и литовцевъ. (См. 53 прим. къ описанію Ипатьевского монастыря виднаго мѣстнаго историка прот. М. Діева, Москва. 1858 г., 86 стр.). Этотъ польскій отрядъ рѣшилъ погубить 16-лѣтняго юношу Михаила, тайно пробрался въ Домнинскую волость, изловилъ ключника Домнинской усадьбы, сѣдовласаго старичка Ивана Осиповича Сусанина и сталъ угрожающе требовать сказать имъ, гдѣ находится его бояринъ Михаилъ. Но ключникъ, мѣшочекъ *Иванъ, отдавая про насъ*, говоритъ Михаилъ Ѳеодоровичъ въ своей жалованной грамотѣ потомкамъ Сусанина, данной спустя 6 лѣтъ послѣ славнаго Сусанинскаго подвига (грамота отъ 30 ноября 1619 года), *„Тѣмъ польскимъ людямъ, гдѣ мы съ тѣ поры были, не сказалъ, и польскіе люди замучили его до смерти“*.

Вотъ сущность славнаго Сусанинскаго подвига, такъ кратко, но вмѣстѣ съ тѣмъ точно характеризованная царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ! „Сусанинъ скрылъ тайну и принесъ свою жизнь въ жертву“. „Сусанинъ утаилъ Михаила Ѳеодоровича отъ польскихъ и литовскихъ людей, искавшихъ его“.—Вотъ новыя характеристики этого подвига, сдѣланныя людьми XVIII вѣка—полковникомъ Васьковымъ въ его „изслѣдованіяхъ, относящихся до Костромы“ (1792 г.), и Костромскимъ епископомъ Дамаскинымъ (Аскаронскимъ) въ привѣтственной рѣчи Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Великой при встрѣчѣ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

Если хотите ознакомиться съ этимъ подвигомъ въ томъ видѣ, какъ онъ понятъ народнымъ сказаніемъ 19 вѣка, читайте народный рассказъ о Сусанинскомъ подвигѣ писателя Дорогобужина, появившійся въ свѣтъ въ 1872 году. Его заголовокъ такой: „Какъ Костромской крестьянинъ Иванъ Сусанинъ положилъ жизнь за Царя“. Если хотите пере-

жить вмѣстѣ съ Сусанинымъ его чувства, вѣру въ Россію, его любовь къ царю, прочтите „Думы“ поэта Рылѣева о Сусанинскомъ подвигѣ или драму Полевого „Костромскіе лѣса“. Всего лучше прослушать чудную оперу нашего знаменитаго композитора Михаила Ивановича Глинки „Жизнь за Царя“. Въ этомъ музыкальномъ произведеніи Глинка прославилъ Сусанина на вѣки, пока жива будетъ Россія. Великій композиторъ вложилъ всю свою русскую душу въ музыку этой оперы: его воодушевилъ Сусанинскій подвигъ. Въ лицѣ Сусанина онъ вывелъ на сцену всю Россію, ибо вся она, какъ и Костромской крестьянинъ, готова „лечь за Царя, за Русь“...

Такъ Михаилъ Теодоровичъ былъ спасенъ крестьяниномъ Иваномъ Сусанинымъ!

Онъ окольными путями уѣхалъ изъ Домнина въ Кострому вмѣстѣ съ своею матерью. Въ Костромѣ они помѣстились сначала въ своемъ „осадномъ дворѣ“, который находился въ Костромскомъ кремль, затѣмъ перешли, для приѣма Московскаго посольства, въ которомъ было много духовныхъ лицъ, въ Ипатьевскій монастырь.

Посольство было торжественное и многолюдное! Въ него вошли „чины“, какъ „отъ освященнаго собора“, такъ и отъ „синклита“. Во главѣ посольства стояли архіепископъ Рязанскій и Муромскій Теодоритъ, Троицкій келарь Авраамій Палицынъ и бояринъ Теодоръ Ивановичъ Шереметевъ. Съ ними были окольные, стольники, дворяне и боярскія дѣти. Московская процессія увеличилась еще гражданами города Костромы, которые устроили изъ своего кремля крестный ходъ для встрѣчи московской процессіи, взявъ свой древній чудотворный Теодоровскій образъ Богоматери. При московской процессіи былъ образъ Богоматери, написанный св. Петромъ митрополитомъ и образъ великихъ московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоны.

Посольство „было челомъ благовѣрной государынѣ великой инокинѣ Марѣѣ Иоанновнѣ и ея сыну благовѣрному и благородному государю Михаилу Теодоровичу, чтобы благовѣрная великая государыня инокиня Марѣя Иоанновна благословила сына своего благороднаго государя Михаила Теодоровича царемъ и государемъ на Московское государство“.

Еще у восточныхъ монастырскихъ воротъ московско-костромская процессія была встрѣчена инокиней Марѣей и ея сыномъ. вмѣстѣ съ процессіей старица Марѣя и Михаилъ вошли въ церковь Пресвятыя Живоначальныя Троицы „и стали со святыми иконами по чину и по подобію“.

Внутренность церкви была незначительна: въ ширину пять, а въ длину четыре сажени.

Теперь нѣтъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ этого храма. Во второй половинѣ XVI вѣка онъ имѣлъ такой видъ. Соборъ былъ каменный, построенъ на подклѣткахъ, имѣлъ пять главъ, крытыхъ нѣмецкимъ желѣзомъ, и пять позолоченныхъ крестовъ; со сторонъ собора шли каменные паперти. Въ соборъ вели трои двери, обитыя мѣдью и золоченыя, съ разными чеканными изображеніями и изреченіями пророковъ. Въ двухъ входахъ были вторыя двери слюдяныя.

Въ иконостасѣ собора, а равно и по стѣнамъ, было разставлено около 90 иконъ, приложенныхъ Годуновыми, изъ нихъ 45 въ золотыхъ окладахъ, а остальные въ серебряныхъ; на святыхъ, изображенныхъ по стѣнамъ, были золоченые вѣнцы. Въ соборѣ престоль былъ чеканный изъ серебра, на немъ лежала вышитая жемчугомъ бархатная индитія.

Въ этомъ соборѣ архіепископъ Теодоритъ съ „освященнымъ соборомъ“, бояринъ Шереметевъ и весь „синклитъ“, „молили Государыню со многими слезами многъ часъ“. „Государыня на милость не положи“. Изъ ея глазъ текли безпрерывно „источницы слезъ“. Она говорила посольству,

„яко мнози прежебывшіи цари обругаеми бяху, а иніи и чуждую землю познаша, мое же чадо младо суще и недоумѣеть по умноженію людскихъ злостей управлять, молю васъ, не лишите меня единороднаго чада!“ При такомъ твердомъ отказѣ старицы Марѣи благословить на царство свѣого сына архіепископъ Теодоритъ взялъ на свои руки чудотворной образъ Богоматери, написанный св. митрополитомъ Петромъ, а Троицкій келарь Авраамій—образъ московскихъ чудотворцевъ, они съ этими иконами подошли къ старицѣ Марѣи и Михаилу и рѣшительно сказали: *чесо ради шествова съ нами толикъ путь пречестная и чудотворная сія икона и величьи святителіе... Сотворите повелѣнное вамъ отъ Бога; воистину бо отъ Бога избрани есте и не прогнѣвайте всѣхъ Владыку и Господа*“. Тогда инокиня Марѣя Ивановна, „изливъ предъ образомъ Богоматери много слезъ“, взяла своего сына и вслухъ всѣхъ сказала: „Се Тебѣ, о Богомати, Пречистая Богородице, въ твои руки, Пречистая Владычице, чадо свое предаю“. При этихъ словахъ присутствовавшіе „отъ всякія радости слезы излиша“. Тотчасъ возложили на государя „пречестный крестъ“, вручили ему царскій жезлъ и возвели на царскій тронъ, хранившійся въ Ипатьевскомъ монастырѣ отъ времени великаго князя Василія Дмитриевича. Посольство и весь народъ поклонились Царю до земли и поздравляли его „на многъ часть“ въ церкви Живоначальныя Троицы.

Въ память этого событія царь Михаилъ Теодоровичъ повелѣлъ установить въ 14 день марта празднованіе Божіей Матери, Ея чудотворной Теодоровской иконѣ, которая находится въ Костромскомъ Успенскомъ Соборѣ.

19 марта Михаилъ Теодоровичъ оставилъ Кострому и на третій день прибылъ въ Ярославль. Весенняя распутица задержала его въ Ярославлѣ до 16 апрѣля. По дорогѣ къ

Москвѣ царь останавливался въ Великомъ Ростовѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ и Троицко-Сергіевской лаврѣ. 2-го мая Михаилъ Теодоровичъ прибылъ въ Москву и былъ торжественно встрѣченъ. Въ Москвѣ царь помѣстился въ хоромахъ и теремѣ своей бабушки Анастасіи Романовны, первой супруги Грознаго царя, а старица Марѳа въ кремлевскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Скоро государю стали рубить новыя деревянныя хоромы, а впослѣдствіи сложили каменный теремный дворецъ. 11 іюля 1613 года было вѣнчаніе на царство Михаила Теодоровича; въ этотъ день ему исполнилось 17 лѣтъ. Коронованіе совершалъ Казанскій митрополитъ Ефремъ. Патріарха Гермогена не было въ живыхъ. Послѣ коронованія бояринъ Мстиславскій, начальникъ прежней „Семибоярской Думы“, три раза осыпалъ государя золотыми и серебряными деньгами. Передъ коронованіемъ Государь пожаловалъ боярскій санъ воеводѣ Д. М. Пожарскому, а 12 іюля, въ день своихъ именинъ, пожаловалъ Козьму Минина въ думные дворяне. Впослѣдствіи онъ прислалъ въ Кострому для Теодоровской иконы очень цѣнное украшеніе. Это—рясны, привѣски, низанныя крупнымъ жемчугомъ и драгоценными камнями, и жемчужную накладную ризу съ лазоревымъ камнемъ „баусъ“. Ипатьевскій монастырь получилъ земельную прирѣзку вплоть до „Зеленой башни“, которая была устроена при немъ на мѣстѣ послѣдняго разставанія костромичей съ своимъ бояриномъ.

Такъ закончились смутные годы Россіи, годы „великаго испытанія.“ Семьсотъ слишкомъ лѣтъ Россіей правила династія Рюриковичей. Съ 1613 года вѣнецъ Монаха перешелъ въ боярскій Домъ Романовыхъ. Подъ скипетромъ Дома Романовыхъ началась творческая и созидательная работа „государственнаго строительства“. Открылись новыя страницы исторіи; при внуцѣ Михаила Теодоровича—Петрѣ

Великомъ, этомъ гениальномъ государственномъ работникѣ, Россія усвоила военную и даже отчасти промышленную технику запада. Рядомъ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ надъ шведами, она заняла одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду европейскихъ державъ. Великая реформа Александра II-го 1861 г. освободила миллионы русскихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Если мы сравнимъ современную карту Россійской имперіи съ географическими размѣрами Россіи 1613 года, то увидимъ громадный территориальный ростъ Россіи за этотъ періодъ времени. Теперь Русская имперія упирается тыломъ въ льды Сѣвернаго океана. Въ 1613 году Бѣлое море было единственнымъ выходомъ въ замерзающій Ледовитый океанъ. Теперь нашъ правый флангъ—полузакрытое Балтійское море и владѣнія Германіи и Австріи, а лѣвый—нѣкоторыя части Тихаго океана. Теперь нашъ фронтъ обращенъ къ югу и простирается отъ устьевъ Дуная до Камчатки. Къ 1613 году была скована единствомъ вѣры, языка, нравовъ и обычаевъ одна великорусская народность. Тогда у насъ еще не было Малороссіи, мы не владѣли и древнимъ русскимъ путемъ „изъ варяжской земли въ греческую“, равно не въ нашихъ рукахъ были Черное море, Кавказъ, Крымъ, Новороссія, Польша, Финляндія. Теперь объединена почти вся русская народность. Уже первые цари изъ Дома Романовыхъ положили конецъ попыткамъ иноземнаго захвата нашихъ земель поляками, шведами. Они же подавили зачатки нашей „олигархической семибоярщины“. Нормальный ходъ роста, развитія и расцвѣта Россіи опредѣлялся не взаимною борьбою отдѣльных классовъ населенія, какъ въ Западной Европѣ, а исключительно лишь степенью Монаршаго уразумѣнія запросовъ, нуждъ и потребностей русской земли. Наши монархи призываютъ къ себѣ и „земскій совѣтъ всей земли“. На-

ши монархи сохранили невредимымъ богатое духовное наслѣдіе Востока, перешедшее къ намъ изъ Византіи. Наши Цари развили въ народѣ вѣру въ высшую справедливость и безусловно—правственный авторитетъ государственной власти. Эта вѣра народа въ силу Царской власти, въ крѣпость союза Царя съ народомъ, является лучшимъ украшеніемъ короны Царственного Дома Романовыхъ.

Учитель *Петръ Троицкій.*

